

ЭНН ТАЙЛЕР

Лауреат Пулитцеровской премии

ФРАНЦУЗСКАЯ
КОСИЧКА

Энн Тайлер

Французская косичка

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69950011
Французская косичка: Фантом Пресс; Москва; 2023
ISBN 978-5-86471-942-8*

Аннотация

Новый роман всеми любимого классика. Теплый, чуть ироничный, пронизательный. Это снова путешествие в мир обычной семьи. От 1950-х, когда за окном сигналит сверкающий красный «шевроле», до наших дней, окуклившихся в пандемии. Летом 1959 года Гарретты отправляются в свой первый и последний семейный отпуск. Они почти не покидают съемный коттедж, но в каком-то смысле они никогда не были так далеки друг от друга. После той поездки все в семье незаметно, но все уверенней начинают отдаляться друг от друга. Мерси с трудом сопротивляется зуду – она так сильно хочет стать художницей. Но кто тогда будет заботиться о доме, готовить обеды для мужа Робина? Ее дочери, уравновешенная Элис и помешанная на мальчиках Лили, совершенно не похожи друг на друга и не находят общего языка. Их младший брат Дэвид, уехав учиться, почти разрывает связи с семьей. И все же что-то соединяет их всех, несмотря на все разногласия и непонимание, что-то неуловимое. И каждый член этой вроде бы разобщенной семьи оказывает влияние на жизнь всех остальных. Потому что семья

– это нечто более глубокое, чем просто родственные отношения, семья – словно французская косичка: ты думаешь, что сбежал от родных, но освободиться от них невозможно, они, точно завитки распущенной косички, все равно сплетены.

Полная любви к людям, надежды, радости, смешанной с горечью, «Французская косичка» – это классическая история Энн Тайлер. Удивительно пронизательный роман о семейных безднах, о невозможности освободиться от тех, кто любит нас.

Содержание

1	6
2	33
3	87
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Энн Тайлер

Французская косичка

ANNE TYLER
FRENCH BRAID

Copyright © 2022 by Anne Tyler

Эта книга публикуется по договоренности с Hannigan Salky Getzler (HSG) Agency и The Van Lear Agency

© Мария Александрова, перевод, 2023

© «Фантом Пресс», издание, 2023

1

Это произошло в марте 2010 года, когда на железнодорожном вокзале Филадельфии еще работало информационное табло, на котором с металлическим шелестом сменялись буквы в названиях пунктов назначения. Серена Дрю стояла прямо перед ним, напряженно высматривая, когда появится следующий поезд до Балтимора. Почему здесь так поздно показывают номер перрона? В Балтиморе сообщают заранее.

Парень Серены стоял рядом, но его расписание поездов не занимало. Бросив один-единственный взгляд на табло, он уткнулся в свой телефон. Покачал головой над каким-то сообщением, промотал следующее.

Они только что с воскресного обеда у родителей Джеймса. Серена встречалась с ними впервые. Последние две недели она ужасно нервничала из-за этого, прикидывала, что надеть (в итоге джинсы и водолазка – стандартный ансамбль выпускницы, чтобы не показалось, будто она старалась принарядиться), и сломала голову, подбирая подходящую тему для разговора. Но все вышло удивительно хорошо, подумала она. Родители приветствовали ее сердечно и сразу же попросили называть их Джордж и Дора, а мать оказалась такой болтушкой, что с беседой не было вообще никакой проблемы.

– В следующий раз, – заявила она после завершения обе-

да, — ты должна познакомиться с сестрами Джеймса, с их мужьями и детками. Мы просто не хотели тебя смущать с самого начала.

«В следующий раз». «С самого начала». Звучало обнадеживающе.

Однако сейчас Серена не ощущала никакого триумфа. От нахлынувшего облегчения она полностью расклеилась и чувствовала себя измочаленной тряпочкой.

Они с Джеймсом познакомились в начале учебного года. Джеймс был таким красавчиком, что Серена страшно удивилась, когда он вдруг пригласил ее выпить кофе после занятий. Он был высоким и худощавым, с копной каштановых волос и коротко подстриженной бородкой. (Серена, напротив, чуть ли не пышечка, а завязанные в хвостик русые волосы до того светлые, что почти сливаются со светлой кожей.) На семинарах он обычно сидел, лениво откинувшись на спинку стула, ничего не записывал и вроде бы даже не слушал, но потом вдруг встревал с неожиданно пронизательным замечанием. Серена опасалась, что он сочтет ее скучной. Однако Джеймс оказался удивительно приятным собеседником. Они посмотрели вместе множество фильмов и сходили в кучу недорогих ресторанов, а ее родители, жившие в этом же городе, уже несколько раз приглашали их вместе на обед и сообщили Серене, что он очень им нравится.

Вокзал Филадельфии был просто величественным по сравнению с вокзалом в Балтиморе. Громадный, с неверо-

ятно высоким кессонированным потолком, а люстры похожи на перевернутые небоскребы. Даже пассажиры казались на голову выше пассажиров в Балтиморе. За какой-то дамочкой, заметила Серена, семенил персональный носильщик с тележкой, заваленной сумками и всякими саквояжами одной и той же фирмы. Любуясь чемоданами (темно-коричневые, блестящая кожа, медные застёжки), Серена случайно обратила внимание на молодого человека в деловом костюме, остановившегося на миг, пропуская тележку.

– Ой, – выдохнула она.

– М?.. – оторвался от телефона Джеймс.

– Кажется, это мой двоюродный брат, – вполголоса прошептала она.

– Где?

– Вон тот парень в костюме.

– Тебе *кажется*, что это твой двоюродный брат?

– Я не уверена.

Они вместе рассматривали того мужчину. Он выглядел старше них, но ненамного – возможно, все дело в костюме. Волосы светлые, совсем как у Серены, и ее губы с заостренными уголками, но не ее фамильные голубые глаза Гарреттов, а светло-, почти бесцветно-серые, что невозможно было не заметить даже с расстояния в несколько ярдов. Он стоял на месте, задрав голову к информационному табло, пока тележка с багажом проезжала мимо.

– Наверное, все же это мой брат Николас, – сказала Сера-

на.

– Может, он просто похож на Николаса, – возразил Джеймс. – Полагаю, если бы это действительно был он, ты не сомневалась бы.

– Да мы давно не виделись, – пожала плечами Серена. – Он сын брата моей мамы, Дэвида, они живут здесь, в Филли.

– Ну так пойди и спроси, что такого.

– Но если я ошиблась, буду выглядеть глупо.

Джеймс озадаченно прищурился.

– Ладно, все равно уже поздно, – вздохнула Серена, потому что мужчина, кто бы он ни был, уже явно узнал все, что хотел, и, поправив на плече ремень дорожной сумки, направился в противоположный конец вокзала, а Серена вернулась к изучению табло.

– Какая платформа обычно? – спросила она. – Может, стоит рискнуть и просто пойти туда?

– Поезд же не отправится ровно в ту минуту, как объявят номер платформы, – заметил Джеймс. – Сначала придется постоять в очереди на посадку и подождать.

– Да, но я боюсь, что не получится сесть рядом.

Он улыбнулся той своей милой улыбкой, с морщинками в уголках глаз, которую она так любила. «Вот вся ты в этом», означала эта улыбка.

– Ладно, я накручиваю себя, – согласилась она.

– И все же, – сменил он тему, – даже если вы сто лет не виделись, ты должна была узнать своего двоюродного брата.

– А ты узнал бы любого родственника, появишься он вот так, ни с того ни с сего?

– Конечно.

– Правда?

– Разумеется!

Но Джеймсу, похоже, уже надоело это обсуждать. Он покосился в сторону фуд-корта у противоположной стены:

– Пойду газировки куплю.

– Можно купить в поезде.

– Тебе чего-нибудь принести?

– Я подожду до поезда.

Но он, кажется, не понял.

Со словами «Займи нам место в очереди, если вдруг объявят платформу, ладно?» Джеймс отошел, не замечая ее замешательства.

Они впервые путешествовали вместе, пускай и всего на один день. Серена была слегка разочарована тем, что ему безразличны ее дорожные волнения и тревоги.

Оставшись в одиночестве, она вытащила из рюкзака пудреницу и внимательно рассмотрела в зеркальце зубы. На десерт они ели фруктовый крэмбл, посыпанный грецкими орехами, и ей до сих пор мешали ореховые крошки, прилипшие к деснам. В обычной ситуации она просто извинилась бы и на минутку заскочила в ванную, но тут Дора вдруг глянула на часы и спохватилась: «Ой! Ваш поезд!» И все четверо помчались на вокзал, отец Джеймса сел за руль, Джеймс рядом

с ним, а Дора с Сереной устроились сзади, чтобы, как сказала Дора, «мы, девчонки, могли наконец спокойно поболтать». Вот тогда-то она и обмолвилась насчет встречи Серены с сестрами Джеймса.

– Скажи, дорогая, – спросила она потом, – а сколько у тебя братьев и сестер?

– О, только брат, – ответила Серена. – Но когда я родилась, он был уже почти взрослым. Мне всегда хотелось иметь сестер. – И она покраснела, потому что прозвучало так, будто бы она намерена войти в семью Джеймса или вроде того.

Дора лукаво улыбнулась и ласково похлопала ее по руке.

Но вообще-то Серена именно это имела в виду. Затаившись в уютном маленьком родительском доме, она люто завидовала своим школьным приятелям с их полчищами родни, гомонящей вокруг, визгливо хохочущей и требующей пространства и внимания. У некоторых были даже сводные братья и сестры, и мачехи, и отчимы, которых можно было выбирать по собственному желанию и отвергать, если что-то не понравится, – так богатеи ковыряются в абсолютно нормальной еде, в то время как голодающие нищие тоскливо смотрят на них из-за ограды.

Что ж, просто подожди и увидишь, уговаривала она себя. Подожди, пока увидишь, какой окажется твоя *будущая* семья!

Поезд до Балтимора опаздывал уже на пять минут, если верить табло. На самом деле, вероятно, на пятнадцать. А но-

мер платформы все не появлялся. Серена обернулась, высматривая Джеймса. Вот он, слава богу, идет в ее сторону, в руках картонный стаканчик. А рядом с ним, чуть поотстав, тот самый мужчина, которого она приняла за своего брата. Серена моргнула.

– Смотри, кого я нашел! – объявил Джеймс, подходя.

– Серена? – уточнил мужчина.

– Николас?

– Ага, привет! – И он протянул было руку, но потом передумал и подался к ней, неуклюже приобнял. От него пахло свежеевыглаженным хлопком.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она.

– Пытаюсь успеть на поезд до Нью-Йорка.

– О.

– У меня встреча завтра утром.

– А, понятно. – Вероятно, он имел в виду деловую встречу. Серена понятия не имела, чем он зарабатывает. – Как поживают твои?

– Они в порядке. Ну так, нормально. Папе, возможно, придется заменить тазобедренный сустав.

– Ох, беда какая.

– Знаешь, что я сделал? – проговорил Джеймс, едва заметно покачиваясь с пятки на носок. – Заметил его около газетного киоска, остановился в нескольких футах позади и окликнул, тихонько так: «Николас?» – Он выглядел ужасно довольным собой.

– А я сначала подумал, что мне почудилось, – признался Николас. – Глянул по сторонам, не поворачивая головы.

– Когда человек слышит свое имя, он реагирует машинально, – продолжал Джеймс. – Если бы я назвал тебя Ричардом, к примеру, ты, возможно, вообще не обратил бы внимания.

– У моей мамы тоже проблемы с суставами, – сообщила Серена Николасу. – Наверное, это наследственное.

– Твою маму зовут... Элис?

– Нет, Лили.

– А, точно. Прости. Я, кажется, рядом с тобой сидел на похоронах деда Гарретта.

– Нет, это была Кендл.

– У меня есть кузина по имени Кендл?

– Ну вы даете, *ребята*! – неверяще воскликнул Джеймс.

– На самом деле ее зовут Кендал, – продолжала Серена, не обращая на него внимания. – Она просто в детстве не могла выговорить собственное имя.

– Так, выходит, ты все же там была? – уточнил Николас.

– На похоронах? О да.

Она была там, но ей было двенадцать лет от роду. А ему сколько? Около пятнадцати где-то, в таком возрасте это просто разные миры. Серена не осмелилась и словом с ним обменяться. Разглядывала издалека, когда все толпились у входа в похоронное бюро, – его строгое отстраненное лицо и светло-серые глаза. Глаза у него были от матери, Греты, су-

ровой неприступной женщины, слегка прихрамывающей и говорящей с иностранным акцентом – или, по крайней мере, не с балтиморским выговором. Серена очень хорошо запомнила эти глаза.

– После службы мы должны были идти на ланч вместе со всеми, – рассказывал Николас. – Но папе нужно было возвращаться на школьный спектакль.

– К вопросу о возвращениях... – встрял Джеймс, указывая большим пальцем на табло над ними. – Нам пора двигаться к пятой платформе.

– Да, точно. Ладно, мы пойдем, пожалуй, – сказала Серена. – Я так рада, что мы с тобой встретились!

– Тоже рад был тебя повидать, – ответил он и улыбнулся, а потом вскинул ладонь, прощаясь с Джеймсом, и повернулся уходить.

– Передай привет семье, слышишь? – крикнула она вслед.
– Непременно, – отозвался он.

Серена и Джеймс еще некоторое время провожали его взглядом, хотя у пятой платформы уже собиралась очередь.

– Должен сказать, – в конце концов проговорил Джеймс слегка озадаченно, – вы, ребята, демонстрируете совершенно новое значение слова «родственники».

* * *

Поезд, как выяснилось, был не так уж полон. Они легко

нашли два места рядом – Серена у окна, Джеймс у прохода. Джеймс открыл столик и поставил на него свой стакан.

– А теперь-то хочешь газировки? – спросил он. – Думаю, вагон-буфет уже открыт.

– Нет, мне нормально.

Она смотрела, как другие пассажиры пробираются по проходу – женщина подталкивала пару малышей, которые еле плелись перед ней, другая тетка безуспешно силилась затолкать чемодан на багажную полку, пока Джеймс не встал и не предложил ей помощь.

– Волосы у него совсем как у тебя, – заметил он, усаживаясь на место. – Но в толпе я бы его никогда не заметил.

– Прости? А, ты про Николаса.

– У тебя просто тьма кузенов, да?

– Нет, только... хм... пять, – ответила она, мысленно пересчитав. – И все они со стороны Гарреттов. Мой папа был единственным ребенком.

– У меня их одиннадцать.

– Повезло тебе, – поддразнила она.

– И я узнал бы любого из них, случись нам встретиться на вокзале.

– Да, но мы так далеко разбросаны по свету. Дядя Дэвид здесь, в Филли, тетя Элис в Балтиморе...

– О, какая даль, на другом конце округа! – Джеймс шутливо толкнул ее под ребро.

– В смысле, мы видимся только на свадьбах и похоронах, –

пояснила Серена. Помолчала, обдумывая сказанное. – И даже не на всех. Но не знаю почему, правда.

– Может, в прошлом вашей семьи скрывается какая-то мрачная тайна, – предположил Джеймс.

– Ага.

– Может, твой дядюшка республиканец. Или тетушка член какой-нибудь секты.

– Перестань! – И Серена рассмеялась.

Ей нравилось сидеть с ним вот так рядом – подлокотник между ними поднят, и можно прижаться друг к другу. Они встречались уже восемь месяцев, но он, к счастью, все так же нов и интересен ей, и она совсем к нему не привыкла.

Поезд предупреждающе качнулся, и последние пассажиры торопливо расселись на места. «Добрый день, – прозвучал голос в репродукторах. – Поезд номер...» Серена вынула билет из рюкзака. За окном в тени проплывала платформа, а потом они выехали на свет; поезд набирал скорость, мимо проносились выщербленные бетонные стены, каждый дюйм которых был заляпан граффити.

– Итак, как тебе мои? – поинтересовался Джеймс.

– Они мне очень понравились! Seriously. – Серена выдержала паузу. – Как ты думаешь, а я им понравилась? – спросила она наконец.

– Конечно! Как могло быть иначе?

Это не совсем то, что хотелось услышать. И, помолчав, она уточнила:

– А что им во мне понравилось?

– Ты о чем?

– Ну, они что-нибудь тебе сказали?

– У них не было возможности. Но я уверен.

Она выдержала еще одну паузу.

– Вы двое сели в Филли? – спросил контролер, нависая над ними.

– Да, сэр, – ответил Джеймс. Он взял билет у Серены и протянул его контролеру вместе со своим. – Мама все силы бросила на обед, – продолжил он, когда контролер отошел. – Этот цыпленок – ее гордость. Она подает его только особым гостям.

– О, было очень вкусно.

– А папа уже в машине спросил, у нас это серьезно или как.

– Серьезно... ой.

– Я ему сказал: «Посмотрим, почему бы и нет!»

Еще один игривый тычок под ребра и лукавый взгляд.

За десертом его мать вытащила семейный альбом и показала Серене детские фото Джеймса (он был очаровательным малышом). Джеймс за спиной матери корчил виноватые рожицы, но потом и сам завис над альбомом, волнуясь, что там о нем рассказывают.

– До самого подросткового возраста он ел почти исключительно мучное, – сказала его мать.

– Ты преувеличиваешь, – возразил Джеймс.

– Даже удивительно, что у него не случилось цинги.

– *Сейчас* он выглядит вполне здоровым, – заметила Серена.

Они с Дорой оглядели его с головы до ног и улыбнулись.

Поезд несясь сквозь пустоши, поросшие пожухлыми сорняками и усеянные ржавыми кухонными раковинами, тракторными шинами и голубыми пластиковыми пакетами, бесконечными голубыми пластиковыми пакетами.

– Будь ты иностранцем, – обратилась Серена к Джеймсу, – который только прилетел в эту страну и сел в поезд, идущий на юг, ты бы воскликнул: «И это и есть *Америка*? Это Земля обетованная?»

– Кто бы говорил, – отозвался Джеймс. – Да и Балтимор не такой уж живописный рай.

– Нет, я имела в виду... Я про железные дороги вообще. Северо-Восточный коридор.

– Ах, вот как.

– Я не предполагала, что мы соревнуемся, – шутливо добавила она.

– Ну, известно, какие вы, балтиморцы, спесивые, – сказал Джеймс. – Я знаю, как вы сортируете людей в зависимости от того, кто какую школу окончил. А потом в итоге женитесь на тех, кто из *вашей* школы.

Серена принялась демонстративно оглядываться по сторонам.

– Ты видишь рядом кого-то из моей школы?

– Не прямо сейчас, – признал он.

– Давай, продолжай!

Она ждала, что же он скажет дальше, но он не стал развивать тему, и некоторое время они ехали молча. Позади них женщина с мягким умиротворяющим голосом говорила по телефону. «Как **ты сейчас?** – слышала Серена. И затем, после паузы: – Нет-нет. Сейчас, дорогая. Расскажи мне, что случилось. Я же слышу, что-то произошло».

– Взять, к примеру, бедного Николаса, – внезапно заговорил Джеймс. – Отец увез его из Балтимора, и остальная семья перестала с ним общаться.

– Это не мы! – возразила Серена. – Это они. Вообще-то, дядя Дэвид. Мама не понимает, в чем дело. Говорит, в детстве он был таким компанейским. Тетя Элис была немножко брюзгой, но дядя Дэвид – такой жизнерадостный общительный малыш, сплошная радость и ликование. А сейчас – поспешил сбежать с похорон собственного отца.

Похороны *деда*, сказал Николас, «похороны деда Гарретта». Но дедуля никогда не был «дедом»! Как мог Николас этого не знать?

– А твоя тетка, – продолжал Джеймс. – *Она* переехала всего лишь в округ Балтимор, но – *о нет. О нет.* Больше никогда с ней не общаемся.

– Не говори глупостей, мы все время с ней общаемся, – возразила Серена, лишь немного преувеличив.

Непонятно, с чего вдруг она начала защищаться. Это

стресс, решила Серена. Стресс от встречи с его родителями.

Когда впервые возникла идея этой поездки, планировалось, что они проведут там выходные. Джеймс все рассуждал, где они должны попробовать лучшие чиз-стейки Филадельфии и захочет ли она посетить художественный музей.

– Тебе наверняка понравится Комната ужасов, – сказал он.

– Комната ужасов?

– Так родители называют мою спальню.

– Смешно.

– По всем стенам постеры «Иглз». И крошки от сэндвичей под кроватью, аж с 1998 года.

– Но... мы же не будем там останавливаться, правда? – спросила она.

– Останавливаться?

– В смысле... не будем ночевать в Комнате ужасов?

– Эй, я пошутил. Ну, по крайней мере, насчет крошек. Уверен, мама прошла там пылесосом хоть раз с тех пор, как я уехал.

– Но я же буду спать в гостевой комнате, – вопросительным тоном уточнила она.

– Ты *хочешь* спать в гостевой?

– Ну да.

– Ты не хочешь ночевать со мной в моей комнате?

– Не в присутствии твоих родителей.

– В присутствии... – Он запнулся. – Слушай, уверяю тебя,

они догадываются, что мы спим вместе. Думаешь, они переполошатся по этому поводу?

– Мне все равно, догадываются они или нет. Я просто не хочу подобной демонстративности при первом же знакомстве.

Джеймс задумчиво разглядывал ее.

– У них же *есть* гостевая комната? – спросила Серена.

– Ну... да.

– Так в чем проблема?

– Это выглядит как-то... неестественно: пожелать друг другу спокойной ночи и разойтись по разным комнатам, – пояснил он.

– Ну прости, – сухо проговорила Серена.

– И потом, я буду скучать по тебе! И папа с мамой расстроятся. «Боже правый, – скажут они, – эти дети ничего не знают о сексе?»»

– Тсс! – шикнула Серена, потому что в тот момент они сидели в библиотеке, где любой мог их услышать. Она оглядела зал, потом наклонилась к нему через стол. – Тогда поедем только на воскресенье, – прошептала она.

– И как ты себе это представляешь?

– Мы скажем, что заняты по субботам и приедем в воскресенье, а поскольку у меня занятия в понедельник утром, то сможем побыть у них только один день.

– Господи, Серена. Ехать в такую даль всего на несколько часов? Лишь бы прикинуться, что мы не так уж близки?

Но в итоге они именно так и сделали. Серена настояла на своем.

Она понимала, что разочаровала его. Возможно, он даже счител ее лицемеркой. Но она все равно считала, что поступила правильно.

Поезд подъезжал к Вилмингтону. Разбросанные там и сям заброшенные с виду домишки постепенно уступали место сияющим белым офисным зданиям. Контролер прошел по проходу, собирая отрывные талоны, торчащие над некоторыми креслами.

– Вот, к примеру, как твоя мать сказала про моего зятя, – внезапно выдал Джеймс.

– Что? О чем это ты?

– Когда я в первый раз пришел на ужин, помнишь? Я рассказал твоей матери, что один из моих зятьев из Балтимора, и она тут же: «Ой, а как его зовут?» Джейкоб Розенбаум, говорю, но все зовут его Джей. «О, – хмыкнула тогда она, – Розенбаум. Он, наверное, из Пайксвилля. Большинство евреев там живут».

– Ну, мама немножко старомодная, – хмыкнула Серена. Джеймс многозначительно посмотрел на нее.

– В чем дело? – рассердилась Серена. – Ты хочешь сказать, что она антисемитка?

– Я просто говорю, что Балтимор – это такая история про мы-и-они, вот и все.

– Ты все еще говоришь о *Балтиморе*?

– Просто смотрю на это с другой стороны, – уточнил он.

– Семейство твоего зятя, может, и вправду живет в Пайксвилле, – рассуждала Серена. – Но они запросто могли бы жить и в Сидаркрофт, рядом с моими родителями. Наш район вовсе не *запретная зона* или что-то в этом роде.

– Ну разумеется, я понимаю, – торопливо перебил Джеймс. – Я просто хотел сказать, что, на мой взгляд, балтиморцы любят... классифицировать.

– Люди вообще любят классифицировать.

– Ладно, окей...

– А как насчет того, что выдала *твоя* мама, когда мы уезжали?

– А что?

– «В следующий раз вы должны приехать на выходные, – сказала она. – Приезжайте на пасхальные каникулы! Соберутся все, и ты увидишь, что такое большая семья!»

Серена невольно заговорила нагловатым тоном болтливой домохозяйки, хотя это совсем не было похоже на Дору. И Джеймс это заметил; он бросил на нее короткий пронзительный взгляд:

– А что не так?

– Просто это прозвучало немножко осуждающе. Вроде как «Бедняжка Серена, у нас ведь *настоящая* семья, а у тебя маленькое жалкое *подобие*».

– Она не говорила про «настоящую семью». Ты сама только что напомнила, что она сказала «*большая* семья».

Серена не стала возражать, но уголки ее рта печально опустились.

«Мы – полноценное обширное и открытое семейство, а вы – несчастная маленькая замкнутая семейка» – вот что на самом деле имела в виду Дора, но Серена не собиралась спорить с Джеймсом по этому поводу.

Проблема обширных семейств в их крайне узком подходе к необширным семьям.

Поезд замедлял ход. «Вилмингтон! – прозвучало из репродуктора. – Будьте осторожны при выходе из вагона, леди и джентльмены...»

За окном со стороны Серены показалась залитая солнцем платформа, усеянная пассажирами, которые выглядели такими радостными и воодушевленными, словно посадка на этот поезд была мечтой всей их жизни.

Серена вспоминала рождественский подарок, который ее родители преподнесли Джеймсу. Он пришел к ним на ужин за день до отъезда домой на каникулы, и когда все уселись за стол, на пустой тарелке перед ним лежала длинная плоская коробка. Серена смутилась. Пожалуйста, пускай это будет что-нибудь не слишком личное, не слишком... очевидное! Даже Джеймс почувствовал себя неловко.

– Это мне? – удивился он.

Но когда он открыл коробку, Серена с облегчением выдохнула. Внутри оказалась пара ярко-оранжевых носков. По верхнему краю каждого шла черная полоска с надписью

БАЛТИМОРСКИЕ ИВОЛГИ¹ со стилизованным изображением иволги по центру.

– Теперь, когда ты живешь в Балтиморе, – пояснил отец Серены, – мы подумали, что тебе стоит одеваться соответствующе. Но поскольку мы не хотим, чтобы у тебя были из-за этого проблемы в Филадельфии, то выбрали такую деталь одежды, которая скроет опасные свидетельства, пока ты не поддернешь вверх брючины.

– Весьма предусмотрительно, – улыбнулся Джеймс и настоял, что должен надеть их прямо сразу, и важно расхаживал по гостиной без туфель до самого начала ужина.

Он и не догадывался, что на самом деле родители Серены вовсе не были спортивными фанатами. Они, скорее всего, не смогли бы назвать имени ни одной «Иволги» – или «Ворона», если уж на то пошло. Старание, которое они, должно быть, приложили, чтобы придумать этот подарок, растрогало Серену до глубины души.

Джеймс, сидевший рядом, окликнул ее:

– Эй.

Серена не отозвалась.

– Эй, Ренни.

– Что.

– Мы уже начинаем ссориться из-за родственников?

– Я не ссорюсь.

¹ Название местного бейсбольного клуба и птицы – символа штата Мэриленд. –
Здесь и далее примеч. перев.

Поезд дернулся и покатил дальше. Человек с портфелем, бредущий по проходу, кажется, заблудился. Женщина позади них, та, с умиротворяющим голосом, проговорила:

– Дорогая моя. Милая. Мы непременно обсудим это с руководством во вторник. Слышишь меня?

– Поверить не могу, что она до сих пор висит на телефоне, – пробормотала Серена.

Не сразу, но Джеймс ответил.

– А я верить не могу, что это деловой звонок, – прошептал он. – Ты бы догадалась?

– Никогда.

– Только не говори *мне*, что деловые женщины ведут себя так же, как мужчины.

– Ладно, ладно, не будем сексистами, – рассмеялась она.

Он взял ее за руку и сплел свои пальцы с ее.

– Давай начистоту. Мы оба были на взводе. Верно? Родители иногда сильно напрягают.

– Мне можешь не рассказывать, – согласилась она.

Дальше они ехали в уютном молчании.

– А ты заметила, как мама отозвалась о моей бороде? – неожиданно спросил он. – Если мы об осуждении.

– А что там было?

– Когда она показывала тебе фотоальбом. Добралась до моих школьных лет – и: «А вот Джеймс на выпускном. Правда, он милый? Это еще до того, как он отпустил бороду». Моя борода ей покою не дает. Она ее ненавидит.

– Что поделаешь, она же мать. Матери всегда ненавидят бороды.

– Первый раз, когда я появился дома с бородой, на первом курсе колледжа, отец предложил мне двадцать баксов, чтобы я ее сбрил. «И ты туда же?» – расстроился я. А он сказал: «Я лично ничего не имею против бороды, но твоя мать говорит, что скучает по твоему красивому лицу». «Отлично, – сказал я. – Если хочет видеть мое лицо, пускай разглядывает мои старые фотографии».

– Но на выпускном фото ты выглядишь очень даже привлекательно, – улыбнулась Серена.

– Но *ты-то* не считаешь, что мне следует сбрить бороду, правда?

– Нет-нет. Мне нравится твоя борода. – Она ласково сжала его руку. – Просто мне было приятно увидеть еще и версию «до».

– С чего бы?

– Ну, теперь я знаю, как выглядит твое лицо.

– Ты переживала, что не видела моего лица?

– Не переживала, а... в общем, я всегда думала, что когда вырасту и, предположим, встречу мужчину, за которого соберусь замуж, и у него вдруг будет борода, я попрошу его, если он не против, сбрить ее разок перед свадьбой.

– Сбрить!

– Только один раз. На две крошечные минутки, чтобы я смогла увидеть его лицо, а потом пускай отращивает ее об-

ратно.

Джеймс выпустил ее руку и слегка отодвинулся, разглядывая Серену.

– Что такое...

– А если он откажется? – спросил Джеймс. – Если он скажет: «Вот я таков: парень с бородой. Можешь принять меня таким или уйти».

– Ну ведь если он... – Серена умолкла.

– Ведь если он – что? – не унимался Джеймс.

– Если у него... окажется безвольный подбородок или тупа того...

Он не отводил глаз.

– *Да не знаю!* – сдалась она. – Я просто хотела бы выяснить, во что ввязываюсь, вот и все.

– И если бы у него оказался безвольный подбородок, ты бы ему ответила: «Ой, *прости*, кажется, я не могу выйти за тебя замуж».

– Я не говорю, что не вышла бы за него, я хочу сказать, что желала бы выйти замуж *информированной*. Желала бы знать, с чем имею дело.

Джеймс угрюмо уставился на спинку сиденья перед ним. И не сделал попытки вновь взять Серену за руку.

– Ну Джеееееймс... – нежно протянула Серена.

Тишина.

– Джеймс?

Он резко повернулся, словно принял какое-то решение.

– С того момента, как мы начали планировать эту поездку, – начал он, – ты возводишь... стены. Устанавливаешь границы. Не ночевать в одной комнате, приехать только на воскресенье... Мы пробыли там четыре несчастных часа! Да мы в дороге провели больше времени, чем в гостях! А я не так часто вижусь со своими, ты же знаешь. И я, в отличие от тебя, не живу с ними в одном городе и практически в том же районе и не могу заскочить в любой момент, когда мне нужно постирать шмотки.

– Но я же в этом не виновата!

Но он, словно не слыша, продолжал:

– Знаешь, о чем я думал, когда мы ехали в Филли? Я думал, что когда ты познакомишься с моими родителями, то решишь, что мы можем у них задержаться. Что ты скажешь, мол, давай поедem самым ранним поездом с утра, и я успею на занятия, и что теперь ты видишь, какие они классные.

– Я и так знала, что они *классные*, Джеймс. Мне просто... и кроме того, я не захватила зубную щетку! И пижаму!

Выражение его лица не изменилось.

– Хорошо, в следующий раз, – пообещала она.

– Ладно, – буркнул он и вытащил из кармана телефон.

Сейчас они проезжали вдоль залива Чесапик – широкая водная гладь, матово-серая даже в солнечном свете, а на торчащих там и сям на мелководье шестах неподвижно нахохлились одинокие птицы. Зрелище навевало тоску. Почти тоску по дому.

Все из-за ее кузена, конечно же. Встреча с ним словно оставила зазубрину где-то глубоко в груди, трещину между двумя частями ее мира. По одну сторону мать Джеймса, такая душевная и искренняя, а по другую Николас, стоящий в одиночестве на железнодорожном вокзале. Это как вынуть стеклянную форму из горячей духовки и сунуть ее в ледяную воду: треск, когда она раскалывается на кусочки.

– Может, устроим как-нибудь семейную вечеринку? – как-то раз в детстве предложила Серена.

И мама ответила:

– Хм? Вечеринку? Думаю, можно. Но это будет не очень *большая* вечеринка.

– И дядя Дэвид со своими придет?

– Дядя Дэвид. Что ж. Возможно.

Звучало не слишком обнадеживающе.

Что мешает семье быть семьей?

Может, дядю Дэвида усыновили и он разозлился, что никто ему об этом не рассказал? Или его вычеркнули из завещания, в которое включили обеих его сестер? (Даже в детстве Серена читала много романов.) Или какая-то семейная ссора вышла из берегов и были произнесены возмутительные оскорбления, которые невозможно простить? Последнее выглядело наиболее правдоподобным объяснением. Потом даже не можешь вспомнить, с чего все началось, но знаешь, что с того момента все навсегда изменилось.

– По крайней мере, тетя Элис могла бы прийти, – сказала

тогда Серена.

– Может быть, – ответила Лили. – Но ты же знаешь свою тетю Элис. Как она вечно пилит меня.

И Серена сдалась.

Дело в том, размышляла она, что даже когда Гарретты собираются вместе, это никогда не бывает по-настоящему, так сказать.

Не шевелясь, она скосила глаза на Джеймса. Тот что-то читал с экрана телефона. (У него была невероятная способность читать целые книги в телефоне.) И рассеянно покусывал нижнюю губу.

Лучшим школьным другом Серены был мальчик по имени Марцеллус Эйвери. У них не было романтических отношений – своего рода общество взаимопомощи. У Марцеллуса была патологически белая кожа и очень черные волосы, и все смеялись над его именем. А Серена весила фунтов на десять больше, чем нужно, и никогда в жизни не могла справиться ни с каким мячом – ни с бейсбольным, ни с теннисным, ни с футбольным, ни с каким вообще, – и это в школе, где спорт стоял во главе угла. За ланчем они сидели рядом и сплетничали о своих безмозглых одноклассниках, а по выходным он приходил к ней в гости и они смотрели иностранные фильмы в «телевизионной комнате» ее родителей. Впрочем, однажды он как бы нечаянно коснулся ее руки, лежащей рядом с его, и когда она не отстранилась, едва заметно придвинулся чуть ближе и запечатлел на ее щеке осторож-

ный стыдливый поцелуй. Она до сих пор помнила ощущение от бархатистого пушка над его верхней губой. Но больше ничего не последовало. Они тут же отпрянули друг от друга и уставились в экран телевизора, и на этом все и закончилось.

Забавно, но лишь сейчас Серена вдруг поняла, что Марцеллус был невероятно красив. Голова идеальной формы, как у мраморной статуи, и почему-то она всегда думала, как сильно, должно быть, его любит мама. Интересно, где он сейчас. Наверное, кто-то его уже окрутил – какая-нибудь женщина, достаточно разумная, чтобы оценить его по достоинству. А она, Серена, сидит рядом с парнем, который ничем не отличается от ее бывших одноклассников.

Серена думала только о том, когда же закончится эта поездка и она снова сможет остаться наедине с собой.

Вплоть до 1959 года семейство Гарреттов не ездило вместе на каникулы. Робин Гарретт, отец Элис, говорил, что они не могут этого себе позволить. В те давние времена он отказывался даже ненадолго оставить магазин на кого-то чужого. А все дело в том, что магазин принадлежал дедушке Веллингтону. «Сантехническое оборудование Веллингтона» оказалось вверено папиному попечению – крайне неохотно и недоверчиво – после первого инфаркта бабушки Веллингтона. Робин, разумеется, должен был проявить себя, и он вкалывал шесть дней в неделю, а по воскресеньям приносил домой бухгалтерские книги, чтобы мать Элис все проверила – на случай, если он где-нибудь опростоволосился. Будем откровенны: Робин не был прирожденным бизнесменом. Учился он на водопроводчика и, бывало, покупал всякие детали у Веллингтона, только чтобы хоть глазком глянуть на юную Мерси Веллингтон за прилавком. Мерси Веллингтон была самым очаровательным существом, какое он встречал в жизни, рассказывал он своим детям, и все сантехники Балтимора сходили по ней с ума. У Робина не было никаких шансов, но иногда чудеса случаются. Мерси, со своей стороны, рассказывала детям, что ее покорило джентльменское поведение Робина.

А потом дедушка Веллингтон умер и магазин перешел

к Робину – хотя юридически, конечно, к Мерси, – и все шло по-прежнему: он еще больше времени отдавал работе, навалилось еще больше обязанностей, приходилось следить за каждой гайкой, каждым болтом, и они все так же не могли уехать на каникулы. До того момента, как Робин нанял помощника, которого называл «юный Пикфорд», – добродушного парня, не слишком башковитого, но крепкого как скала. И тогда Мерси сказала: «Итак, Робин, а сейчас я категорически требую: мы всей семьей едем в отпуск».

Лето 1959 года. Неделя на озере Дип Крик. Маленький коттедж в ряду таких же коттеджей, до озера рукой подать. Не совсем у воды, потому что Робин сказал, что это чересчур дорого, но все же довольно близко.

В 1959 году Элис исполнилось семнадцать, то есть возраст, когда путешествие с семьей могло вызывать восторг, давно миновал. А ее сестре Лили было пятнадцать, и она была страстно влюблена в Джампа Уоткинса, популярного в их школе старшеклассника и чемпиона по баскетболу. Лили заявила, что не может бросить Джампа на целую неделю. И спросила, можно ли Джампу поехать с ними, но Робин решительно отказал. Даже не потрудился объяснить почему, просто сказал: «Чего? Нет» – и все.

Так что девочки ничего хорошего от поездки не ждали. В их жизнь она случилась слишком поздно. А вот для их брата... Дэвиду было всего семь, идеальный возраст для недели на озере. Он был жизнерадостным ребенком, восторжен-

но готовым участвовать в любом новом деле. Едва узнав, куда они едут, Дэвид принялся зачеркивать дни в календаре и планировать, что возьмет с собой. Он, наверное, представлял себе озеро чем-то вроде гигантской ванны, потому что предложил захватить пластмассовые кораблики, деревянную игрушечную яхту и заводного пластмассового водолаза. Мерси пришлось объяснять, что на большой воде они могут потеряться, просто уплыть от него. «Я куплю тебе пластмассовое ведро и совок», – пообещала она. После этого малыш заиклился на другой идее и начал распевать морские песни. «Мой милый за море уплыл...» – выводил он чистым детским голоском, а свою куклу-ковбоя переименовал в Бобби Шафто². (Он вечно придумывал имена этому бедолаге, в обнимку с которым засыпал по сей день, но когда к нему в гости приходили друзья, прятал куклу в шкаф.) «Бобби Шафто уплыл по волнам, – пел он, волнообразно размахивая куклой над головой, будто та плывет. – Серебряные пряжки на его сапогах...»

Они выехали утром в субботу, заглянув сначала в собачий приют, где оставили на передержку своего пса Кэпа. За рулем сидела Элис. Она совсем недавно получила права и вечно клянчила, чтобы ей дали порулить, но отец чаще всего отказывал, потому что она слишком «безрассудная», как он говорил. Сегодня, однако, разрешил. Он сел рядом на переднем сиденье, указывая на знаки, повороты и встречные

² Персонаж английской детской песенки, красавчик-моряк.

автомобили, которые она прекрасно видела и сама, спасибо большое. Сзади устроились Мерси, Дэвид и Лили – Дэвид в середине, потому что он был еще маленький и выступ на полу под ногами ему не мешал.

Все в семье Гарреттов были блондинами, но Мерси и Дэвиду достались светлые волосы с золотистым оттенком и бело-розовая кожа – очень яркие и выразительные блондины получились (уж Дэвиду это точно ни к чему), а Робин и девочки – потемнее. У всех голубые глаза, и все они невелики ростом, даже Робин. Элис знала, что отец переживает из-за этого, потому что видела, как он расправляет плечи и вскидывает голову, когда в магазине приходилось обслуживать высоких мужчин. Только что не встает на цыпочки. Элис всегда огорчалась из-за этого, хотя и подозревала, что отец даже не осознает своих произвольных реакций.

Они ехали полдня – и почти все время по сельской местности. Дэвида забавляли лошади, коровы и их потомство, и еще они с мамой затеяли игру, кто увидит больше тракторов, но Лили хандрила, молча сгорбившись на заднем сиденье, и хмуро смотрела прямо перед собой. На подступах к озеру на некоторых домах стали появляться вывески **ТУРИСТЫ**, будки из рубероида, где торговали наживкой, и гравийные площадки, заставленные моторными лодками с выведенной на ветровых стеклах ценой. Кафешки размером с обычный гараж предлагали жареных цыплят, мясной рулет и ланчи за доллар. Гарретты взяли обед с собой, чтобы поесть, как толь-

ко придут на место, но все же остановились у придорожного фермерского ларька, а потом еще раз у бетонного кубика под громадной светящейся вывеской БАКАЛЕЙНАЯ ЛАВКА ТОЛСТОГО ГАРРИ. Лили не пошла с ними к Толстому Гарри, осталась сидеть в машине, упрямо скрестив руки на груди.

– Вот ты дура, – сообщила ей Элис по возвращении. – Мама разрешила нам купить мороженое, и мы выбрали со сливочной карамелью.

Лили терпеть не могла такое мороженое, она всегда говорила, что вкус у него неправильный. Но в этот раз никак не отреагировала, только продолжала смотреть в пространство.

Из-за всякой ерунды, что они накупили и к которой теперь добавилось еще и набранное в лавке, последние пять миль путешествия стали совсем уж тяжелыми. Багажник был забит чемоданами, постельным бельем и всякой всячиной для художественных развлечений Мерси, поэтому покупки расталкивали по салону автомобиля, и пакеты от «Толстого Гарри» почти совсем скрыли Мерси и Лили, а Дэвиду на колени взгромодили огромный арбуз. Пол перед Робинотом был почти полностью завален бумажными кулками из фермерской лавки, так что ему некуда было ноги пристроить.

Коттедж пришлось разыскивать, ориентируясь по отпечатанной на ротаторе инструкции, которую прислал им хозяин.

– «Поверните направо на Бак-Смит-роуд, – читал вслух Робин, – проезжайте еще две с четвертью мили. Поверните

налево по указателю на “Слипи Вудс”».

«Слипи Вудс» оказался шестью бревенчатыми хижинами, выстроившимися вдоль шоссе, у пары из них на заднем дворе стояли лодки на прицепах. Хижина Гарреттов была номер 4. Маленький, но удобный коттедж, одноэтажный, одна спальня для девочек, другая для родителей, в родительской спальне стояла и раскладушка для Дэвида.

В гостиной, совмещенной с кухней, пахло дымком от камина, но в спальнях отчетливо воняло плесенью, и Мерси сразу же распахнула окна. Снаружи потянуло ароматом хвои и солнца. Сосновые деревья высились над головой, и под ногами было немножко скользко от опавших бурых иголок. Элис поняла, почему место называется «Слипи Вудс»³. И подумала, что здесь очень хорошо спится.

Первым делом они пообедали, сидя за деревянным столом в кухне, – все умирали от голода. У них были с собой сэндвичи с салатом из тунца и морковные палочки, а на десерт персики из фермерской лавки. Потом Робин принялся разгружать багажник, а Мерси отправила девочек стелить постели, пока она разбирала продукты. Один Дэвид остался без дела, поэтому он пошел на улицу поучить Бобби Шафто лазать по деревьям. Малыш возил куклой по стволам и пристраивал на нижних ветках, напевая: «Он вернется и женится на мнееее...»

Когда багажник опустел, Робин с Дэвидом переоделись

³ *Sleepy Woods* – Сонный Лес (англ.).

и пошли к озеру попробовать воду – Робин в мешковатых красных шортах, футболке и обычных черных туфлях с черными носками, а Дэвид в белом махровом халате, купленном специально для этой поездки, и маленьких коричневых рыбацких сандалиях. Тропа к озеру оказалась грунтовкой в лесу, две песчаные колеи с полоской травы между ними. Еще несколько минут их удаляющиеся фигуры мелькали в прогалинах солнечного света: Робин с полотенцем на шее и Дэвид, бодро размахивающий своим ведерком, так что стук болтающейся внутри лопатки долетал даже до коттеджа.

Пока они застилали постели, Элис попробовала разговорить Лили – «Чур, я у окна» и «Надеюсь, эта койка удобнее, чем кажется на вид», – но Лили не отвечала и не меняла мрачного выражения лица. Закончив, Элис распаковала свои вещи и уложила их в комод («Чур, я занимаю два верхних ящика»), а Лили достала из чемодана блокнот и ручку, завалилась на кровать, подоткнув подушку под спину, и начала писать. Вероятно, Джампу, хотя она не потрудилась объясниться.

Элис сдалась. Она надела купальник, просторную рубашку, подхватила фотоаппарат – новенький «Кодак», который ей подарили на прошлый день рождения, – и вернулась в кухню, где Мерси рыскала по шкафчикам в поисках кувшина для чая, который она только что заварила.

– Я поищу, пока ты переодеваешься, – предложила Элис.
– О, спасибо, дорогая. – И Мерси скрылась в спальне. Спу-

стоя несколько минут она появилась в латексном купальнике с оборками – такой впору носить Эстер Уильямс⁴, – персиковом кимоно, трепетно распахивающимся спереди, и шлепанцах на пробковой подошве и с огромными помпонами.

– Где Лили? – поинтересовалась она.

Элис, иронически поморщившись, ответила:

– Пишет письмо.

Мерси лишь весело хохотнула. Она, похоже, представляла Лили эдакой красоткой из «Унесенных ветром», с толпой поклонников, ходящих перед ней «на задних лапках», как она говорила.

Они вышли из дома и двинулись по тропе, по которой раньше ушли Робин с Дэвидом. Было жарко, но не то чтобы невыносимо – на добрых десять градусов прохладнее, чем в Балтиморе. В тенистых уголках жужжали насекомые, наверху в ветвях шебуршились белки.

Озеро оказалось больше, чем ожидала Элис. Другой берег видно, но очень далеко, здесь же береговая кромка изгибалась влево и скрывалась в зарослях кустов, а дальше, видимо, опять тянулось озеро. Грузная тетка разлеглась на полотенце, загорала; пожилой мужчина, полностью одетый, сидел в шезлонге в дальнем конце шатких мостков. В воде видно было только Робина, уверенным брассом плывшего параллельно берегу, лицо его выражало неумолимую решимость.

⁴ Американская пловчиха и актриса, звезда «аквамюзикла» 1940-х и 1950-х годов, ее называли «Американской русалкой».

Дэвид наблюдал с берега. Он снял халат, но стоял у края воды абсолютно сухой – совершенно очевидно, даже палец не намочил.

– Как тебе озеро? – спросила Мерси, подходя сзади.

Малыш обернулся и спросил:

– Папа утонет?

– Нет, нет, нет, – заверила она. – Папа *отлично* плавает.

Дэвид снова повернулся к воде и продолжил наблюдать за отцом.

– Собираешься окунуться? – спросила его Элис.

– Скоро.

– Хочешь, пойдем вместе?

– Нет, все нормально.

Элис сбросила рубаху на песок рядом с фотоаппаратом.

– Ну ладно. – И медленно вошла в воду.

У берега вода была совсем теплой, но чем дальше она уходила, тем прохладнее становилось, а когда Элис наконец погрузилась целиком, от холода даже перехватило дыхание.

Отсюда берег напоминал прелестную картинку из маминго альбома французской живописи: старик в гигантской соломенной шляпе на старом причале, дама на песке – просто цветная полоска; Дэвид, присевший на корточки перед своим ведерком. Мерси, осторожно ступая, шаг за шагом входила все глубже в воду и наконец оттолкнулась и поплыла – гораздо более изящным брассом, чем Робин. В детстве она все каникулы проводила в Оушен-Сити, в этом все де-

ло. И уверенно чувствовала себя в воде. Но, проплыв всего несколько ярдов, она остановилась.

– Давай же! – окликнул Робин.

– Не хочу голову мочить. – Волосы у нее сохли целую вечность, такие густые и выющиеся, с локонами, выпадающими из пучка, уложенного на макушке. – Я, наверное, прихватчу скетчбук и прогуляюсь по лесу. Присмотришь за Дэвидом?

– Конечно. Поучу его плавать, как думаешь?

– Отлично. – Мерси развернулась и пошла к берегу, широко раскинув руки в стороны, и кисти чуть вспорхнули вверх маленькими птичками, а в это время далеко в стороне, на опушке леса, появилась маленькая фигурка Лили, которая, прикрыв глаза ладонью от солнца, наблюдала за ними. Но ближе не подходила. Она даже не стала надевать купальник и почти сразу развернулась и вновь скрылась из виду.

Вот в чем разница между этой сценой и теми, что у французских художников, подумала Элис, – на их картинах люди что-то делают вместе, устраивают пикник или катаются на лодках, а здесь все по отдельности. Даже ее отец, который сейчас плывет к берегу всего в нескольких ярдах от нее. Со стороны ни за что не подумаешь, что Гарретты вообще знакомы друг с другом. Каждый сам по себе, и выглядят такими разобщенными, такими одинокими.

Все трое детей, даже Дэвид, знали, что их мать терпеть не может возиться на кухне. Сама она утверждала, что *любит* стряпать, но имелось в виду, что ей нравится готовить исключительно сладкое. И десерты у нее действительно выходили изысканные – не какое-то там печенье или шоколадный пудинг, а хрустящие трубочки, наполненные взбитыми сливками, или пышные меренги, усеянные засахаренными фиалками. Штучки, которые она подавала своим ухажерам в юности, подозревала Элис. На вид восхитительно, но дети такое обычно не едят.

Да и Робин тоже, хотя он никогда не сознавался. При виде очередной кружевной стряпни он, бывало, восклицал: «О, дорогая! Да как же ты это *сотворила?*» Но ограничивался всегда только маленькой ложечкой.

В итоге Элис играла на кухне гораздо более важную роль, чем большинство девочек ее возраста. Сначала она умела только открывать банки «Динти Мур»⁵ и варить сосиски, но постепенно перешла к простым запеканкам и тушениям, а потом освоила рецепты из женских журналов и кулинарных разделов газет – блюда со словами *espagnol* или *à la française* в названиях. «Ух ты, милая! – говаривал отец, бедняга. –

⁵ Популярная марка консервированных супов.

Неужели это ты приготовила?» Сам-то он был из простых любителей мяса с картошкой. Но Элис знала, как он благодарен, что она подключилась к кухонным делам.

На первый их ужин на озере – Мерси еще не вернулась с этюдов, а Дэвид от голода уже капризничал – Элис разогрела консервированную солонину, посыпала сверху тертым чеддером и сухой приправой из склянки, которую нашла в буфете. (Предыдущие жильцы оставили кучу всякой всячины: джемы, сухие бобы, соусы для барбекю и разные загадочные баночки, которые она намеревалась исследовать.) Она порезала несколько фермерских огурцов и заправила их смесью кукурузного масла и яблочного уксуса. А Дэвид клянчил хоть что-нибудь, чтобы не умереть с голоду прямо на месте. Крекеры, печенье, «хоть что-то!» – трагически восклицал он, но удовлетворился предложенным ломтиком огурца.

– Где твоя мать? – вопрошал отец. Это его постоянный рефрен: «Где она может быть?»

– Рисует, – отвечала Элис. – Давайте начинать без нее.

Она расставила на столе тарелки, пересчитала приборы и как раз искала салфетки, когда поняла, что они их позабыли дома, пришлось отрывать куски бумажных полотенец.

Элис любила воображать, что о ее жизни как будто бы пишут книгу. А рассказчик, с внушительным мужским голосом, описывает каждое ее действие. И довольно часто возникала ремарка «Элис вздохнула».

– Иди зови Лили ужинать, – велела она Дэвиду, а тот от-

ветил:

– Ее нет.

Элис удивилась:

– Где же она?

А Дэвид сказал:

– Она ушла с парнем.

«Элис тяжело вздохнула», – прокомментировал невидимый рассказчик.

* * *

Лили и вправду ушла с парнем. Его звали Трент, они познакомились, вероятно, когда Лили брела мимо их семейного коттеджа. Они вдвоем явились как раз к концу ужина. К тому времени Мерси, с налипшими на подол юбки сосновыми иголками, уже вернулась с этюдов и все четверо приступили к поеданию мороженого со сливочной карамелью.

– Ты где *была*? – возмутилась Элис, а мама выпрямилась за столом и одарила Трента преувеличенно сияющей улыбкой.

Он был настоящий красавчик, этот парень с густыми бровями и в футболке с надписью «Университет Мэриленд», и, как прикинула Элис, на несколько лет старше Лили.

– Это Трент, – сообщила Лили. – И мы с ним собираемся в бургерную в городе, так что я не буду ужинать.

– Какая прелесть! – обрадовалась Мерси, а Робин тут же

осведомился:

- И как вы туда доберетесь?
- У Трента есть машина, – сказала Лили.
- Ты надежный водитель, сынок?
- Папа! – рассердилась Лили.

Но Элис подумала, что он правильно спрашивает, и вообще ей не понравилось, с какой беззаботной готовностью ответил Трент.

- Да, *сэр*, отличный водитель, – сказал он.

Что-то в нем есть елейное, подумала Элис. Но Робин сказал:

- Тогда ладно. Верни ее не слишком поздно.

Лили небрежно сделала ручкой на прощанье, и они уехали.

Для Элис всегда было загадкой, почему парни липнут к Лили. Ну да, она симпатичная, с милыми ямочками на щеках, но это не объясняло, почему все мужчины делали стойку, едва она входила в комнату. Как будто она издавала некий загадочный сигнал, доступный только мужскому слуху. (Не только мальчишкам, но и взрослым мужчинам. Элис не раз замечала, как отцовские приятели посылали Лили такие же пристальные многозначительные взгляды.) Саму Элис приглашали на свидания только по особым случаям, на официальные мероприятия вроде школьных вечеров. Она знала, что ей недостает притягательности, которая в избытке имела у Лили. И не была уверена, что хотела бы обладать та-

кой силой. (И ей действительно не понравился этот Трент.)

– Что ж, – хмыкнул Робин, когда за ними закрылась дверь. – Не повезло Джампу Уоткинсу, хе-хе.

– Ну перестань, она просто любит общаться, – возразила Мерси.

И все вновь занялись мороженым.

Однако на следующее утро за завтраком от Лили только и слышно было: Трент то, Трент это. Трент приехал из округа Колумбия, играет в теннис за университет, а в следующем году станет партнером в отцовском бизнесе по продаже спортивных товаров.

– Сколько же ему лет? – удивилась Элис.

– Двадцать один. А что? – беззаботно отозвалась Лили и тут же принялась тарыхтеть про их дом у озера, на самом берегу. Он такой громадный, рассказывала Лили, и принадлежит их семье, а над камином у них голова оленя.

– Ты что, была в самом доме? – спросила Мерси.

– Ну да, и познакомилась с двумя его сестрами и с их парнями.

Извинившись, она помчалась переодеваться, потому что они с Трентом собирались кататься на его моторной лодке.

Мерси хотела закончить работу над набросками, которые сделала вчера. Пока Элис мыла посуду после завтрака, Мерси разложила свой походный набор красок и холсты на кухонном столе – единственное доступное рабочее пространство.

– К обеду закончишь? – поинтересовалась Элис.

– О да, – сказала Мерси, но в голосе звучало сомнение.

Раз начав, мать с головой погружалась в свое рисование. Так что если дело так пойдет и дальше, то им, с большой вероятностью, придется обедать в гостиной, держа тарелки на коленях.

Элис пошла на озеро, захватив и Дэвида, а Робин обещал присоединиться, потому что «жаль пропускать купание», но сначала надо поправить сетку на окне в их с Мерси спальне. Он определенно чувствовал себя не в своей тарелке, не понимая, куда девать столько свободного времени.

Сегодня Дэвид потащил с собой на озеро кучу игрушек – полдюжины маленьких пластмассовых солдатиков, которые громыхали в его ведерке. Вот только называл он их «ветеринарами». Элис сначала подумала, что он имеет в виду «ветеранов», но нет, на берегу он вывалил солдатиков на песок и сообщил сестре:

– Это вот Герман; он лечит *больших* животных, коров и лошадей. А это Дон, он лечит кошек и собак.

– А где же их пациенты?

– Еще не время принимать пациентов. Сначала у ветеринаров должно пройти совещание. Итак, Дон, – заговорил он низким утробным голосом, – я еду на ипподром Пимлико, взглянуть на ту лошадь со сломанной ногой. А чем ты займешься сегодня? – А потом продолжал, уже тоненьким голоском: – Мама-кошка, которую нам принесли, должна вот-

вот родить котят, и я буду их принимать.

Элис не поняла смысла этой игры. Никаких действий, если не считать, что Дэвид поднимал каждого солдатику на пару дюймов, когда была его очередь «выступать». Но по крайней мере он сам себя развлекал, и постепенно истории болезней становились все более подробными, превращаясь в настоящие рассказы. К примеру, одного пса нужно было усыпить, потому что он покусал маленького мальчика, но ветеринар доказал, что мальчик лжет, и жизнь собаки была спасена, а ветеринар решил взять ее себе.

Элис намазалась специальной самодельной мазью, детское масло с йодом, – по слухам, помогает быстрее загореть, потому что солнце здесь не такое жаркое, как в Оушен-Сити. А потом растянулась на полотенце, листая журнал «Мадемуазель» – студенческий номер, посвященный целиком тому, что будут носить этой осенью девушки в колледжах.

Наконец перед ней возникли отцовские ноги в туфлях и черных носках, она подняла глаза.

– Ты почему не купаешься?

– Хочу сначала прогреться как следует.

– Дэвид? Пойдешь со мной?

– Не могу, у меня тут срочное дело, – отозвался Дэвид.

Отец помолчал, вероятно пытаясь разобраться, что происходит. Потом стянул футболку, уронил ее на полотенце Элис.

– Ну а я иду в воду, – заявил он.

Элис села, провожая отца взглядом. Сегодня утром в воде были и другие люди – молодая парочка, мужчина с карапузом на руках, и вдалеке плыл еще кто-то, не разобрать. Робин разулся только у самой воды, аккуратно поставил туфли на песок, но, прежде чем войти в озеро, еще некоторое время разглядывал других купальщиков.

Отец все же не курортник по сути, подумала Элис. Весь какой-то напряженный. Входя в воду, Робин поджал руки, локти приподнялись над водой, а лопатки торчали, как цыплячьи крылышки.

На пляже собралось гораздо больше народу, чем накануне. Грузная дама опять разлеглась на своем полосатом полотенце, будто и не уходила никуда, под гигантским зонтиком устроилась пара с малышом, а дальше еще одна пара, с целым выводком шумной ребятни. Среди них обнаружился только один мальчишка лет двенадцати или около того – явно старше Дэвида, но Элис все же решила попробовать, а вдруг.

– Мне кажется, тебе стоит поговорить вон с тем мальчиком, – предложила она Дэвиду.

Брат покосился на парнишку, который как раз направлялся к воде.

– Нет, – отрезал Дэвид. – Он слишком взрослый.

– Но на вид довольно славный.

Однако Дэвид уже вернулся к своим ветеринарам. Приподнял одного над головой, чтобы тот смог разглядеть мо-

торку вдалеке.

– Я вижу три корабля, плывущих мимо, – напевал он. – Плывущих мимо, мимо...

Элис потянулась к своему «Брауни Старфлэш»⁶, поднесла к одному глазу, прищурилась. Интересно, это не Трент с Лили там в лодке? Хотя отсюда не видно.

* * *

Учитывая страсть Мерси к подернутой дымкой расплывчатой французской живописи, можно бы подумать, что ее собственные картины будут такими же размытыми и неопределенными – не столько пейзаж, сколько намеки на него. Но на самом деле все обстояло не так – или, по крайней мере, не совсем так. Взять, к примеру, картину, над которой Мерси работала, когда они втроем вернулись в коттедж. Сосны напоминали расплывшиеся зеленые пирамиды, а лесная подстилка – бурые потеки, но вдруг на переднем плане, в левом нижнем углу, – сброшенные шлепанцы с помпонами, выписанные так четко и детально, будто лежали под увеличительным стеклом. Каждый стежок швов на ремешках, каждая пора в пробковой подошве, даже крошечная пчелка, присевшая на помпон, – воображению не оставалось ни малейшего места. Элис такой контраст раздражал, из-за резкого перехо-

⁶ Марка фотоаппарата.

да от туманной неопределенности к конкретной реальности болели глаза. Или шлепанцы должны были что-то означать? Это ключ к пониманию? Символ? О, она просто не может уловить смысл!

Впрочем, никогда не могла. Поэтому сказала то же, что обычно: «Очень мило, мам», и пошла переодеваться.

И уже в дверях услышала, как Дэвид спрашивает:

– А твои картины когда-нибудь будут в музее?

– О нет, нет, нет, – ответила Мерси, издав свой фирменный звенящий смешок. – Я рисую просто для себя. – И она отправила сына надевать штаны.

* * *

У Трента, разумеется, нет постоянной девушки, заявила Лили, потому что пряжка сзади на его слаксах не застегнута.

– Может, она случайно расстегнулась, – предположила Элис. – Может, он просто неряха.

– Шутишь? Это же заявление, – возмутилась Лили. – Все знают, что это означает.

– А ты не можешь прямо его спросить, встречается ли он с кем-нибудь?

Лили скептически посмотрела на сестру.

Шел четвертый день их пребывания на курорте, и каждый из этих дней Лили провела исключительно с Трентом. Судя по ее рассказам, они в основном торчали в их семейном

коттедже.

– И чем вы там занимаетесь? – недоумевала Элис.

– О, просто купаемся и все такое.

У Гарреттов Трент появлялся, только чтобы захватить Лили, – как правило, по утрам. И всегда приезжал на машине, хотя там пешком было два шага.

– Привет, красотка, – приветствовал он ее обычно. – Здравствуйте, мистер Гарретт. Миссис Гарретт, вы прекрасно выглядите!

Робин, мусоливший свою третью чашку кофе, хрюкал в ответ что-то неопределенное, а вот Мерси радостно восклицала:

– Ой, спасибо, Трент! Как твои дела?

– Все отлично, спасибо.

Элис он, считай, практически игнорировал. Так, приподнимет в ее сторону ладонь на пару дюймов и тут же роняет. А Дэвиду коротко бросал:

– Привет, пацан.

– Привет, – отвечал Дэвид, не глядя на него и не отвлекаясь от своих дел.

Сегодня утром, едва Трент и Лили ушли, Дэвид объявил:

– Трент говорит про то, чего нет на самом деле.

Мерси забеспокоилась:

– Что, милый? О чем это ты? Что он такое сказал, чего на самом деле нет?

– Не знаю, но так оно и есть.

– Ну, брось. Мне кажется, он славный.

Как странно, подумала Элис, что взрослая женщина не видит того, что очевидно даже семилетнему ребенку. Но, с другой стороны, Дэвид чертовски хорошо разбирается в людях.

А Робин только проворчал:

– Он, по крайней мере, воспитанный, это все, что могу сказать.

Все замолчали.

«Элис очень любила своего отца, – произнес внутренний рассказчик. – Но иногда он приводил ее в отчаяние».

Потом Робин поехал на заправку «Эссо» подкачать шины, а Мерси бродила по коттеджу, собирая свои художественные принадлежности. Дэвид, сидевший на коврикe с раскраской, спросил Элис:

– Мне Джамп Уоткинс нравится больше, чем Трент, а тебе?

– Ну, Трент уже взрослый мужчина, в колледже учится.

– Он не *мужчина*, – отрезал Дэвид.

Прежде чем Элис успела уточнить, что это был сарказм, мать из кухни вставила свои два цента:

– Может, для тебя и нет, милый, но я понимаю, о чем говорит Элис. Трент гораздо опытнее и интереснее, чем Джамп Уоткинс.

Дэвид с Элис переглянулись, но промолчали.

В тот вечер Лили вернулась так поздно, что все, кроме Элис, уже спали. Элис слушала радио в гостиной. Телевизо-

ра в коттедже не было, и Элис с ума сходила от скуки. Она нашла что-то вроде программы по заявкам слушателей: ведущий читал вслух письма, а потом крутили песню, о которой просили в письме.

– Это для Джерри от Кейт, она очень по нему скучает, – говорил ведущий. И врубали «Человека в плаще».

Элис понравилась эта идея. (Интересно, что за тип этот Джерри, если слова «забрал мои деньги и смылся из города» напоминали Кейт о нем?) В темноте комнаты проплыла полоса света от фар, а мгновение спустя раздались шаги на крыльце и в комнату вошла Лили.

– Ты еще не спишь? – удивилась она. – А который час?

– Это ты *меня* спрашиваешь? – взвилась было Элис, но тут же услышала себя со стороны – прямо мамаша, а не сестра, и поспешно добавила: – Вечер удался?

– Вечер был чудесный, – выдохнула Лили, шлепаясь рядом с сестрой на диван. От нее пахло сигаретами – скорее всего, сигаретами Трента, решила Элис, поскольку единственная попытка ее сестры покурить завершилась приступом рвоты. – Я ловко так развела про постоянную девушку. Он мне такие комплименты говорил, прямо настоящие, не буду тебе повторять, тут я и выдала: «Спорю, ты своей девушке говоришь то же самое», а он и отвечает: «Какой девушке?» – а я ему: «Ой, ладно тебе, я знаю, что у тебя есть девушка», а он: «Тогда зачем бы я сидел сейчас тут с тобой?» Вот!

– Ничего это не значит, – вздохнула Элис.

Щеки у Лили пылали, губы слегка припухли. Она держалась крайне дерзко, на взводе – отчасти наигранно.

– Элис, – сказала она. – Могу я попросить тебя кое о чем?

– И о чем же? – неохотно откликнулась Элис.

– Мне кажется, Трент собирается, ну, не знаю, типа сделать мне предложение или вроде того.

– Предложение!

– Это не точно. Вполне вероятно. Это же не какое-то мимолетное юношеское увлечение. У нас все серьезно! В общем, я что хочу сказать, вдруг ты что-нибудь об этом прознаешь. Ну, он спросит, какой у меня размер пальца или что-то в таком роде.

– Лили...

– Дай договорить! Если вдруг он с тобой это начнет обсуждать, не могла бы ты намекнуть ему, что я всегда хотела, чтобы мне сделали предложение в беседке?

– *Чтоооо?*

Лили подалась вперед, умоляюще сложив ладошки.

– С самого детства, – продолжала она, – я представляла, как в какой-то беседке юноша просит меня выйти за него замуж. Понимаю, это звучит глупо, но... и знаешь что! Там, где стоит дом родителей Трента, рядом есть еще один, даже больше, и там на заднем дворе очаровательная маленькая беседка. Невероятно! Мы сидели у них в патио, я оглянулась и глазам своим не поверила!

– Лили, – устало перебила Элис, – Трент не станет делать тебе предложение.

– Ты не можешь этого знать!

– Тебе пятнадцать лет. Тебе даже водительские права получать рано. И ты познакомилась с ним четыре дня назад. А кроме того... Трент не тот человек, которому можно доверять.

– Ты его даже не знаешь!

– Я знаю его достаточно, чтобы понять, что он просто парень, который ищет развлечений. Он застрял тут с родителями и всем семейством, друзей рядом нет, и вот он замечает несовершеннолетнюю девочку, мечтательную и наивную, и говорит себе: «Хо-хо-хо! А что это у нас здесь такое?»

– Это просто гадко, – обиделась Лили. – Ты просто завидуешь, что у тебя никого нет. Кто бы говорил про *застрять*! У тебя самой нет парня, и поэтому ты хочешь разрушить мои отношения.

И она вскочила, решительно прошагала в спальню и хлопнула дверью.

Сестра орала довольно громко, и Элис надеялась, что родители все слышали. *Нужно* было, чтобы они слышали. Она с надеждой глянула в сторону их комнаты, но дверь оставалась закрытой, и за дверью – тишина.

– Посмотрим, сможешь ли ты затащить своего ребенка в воду, – заявил Робин за завтраком на следующее утро, обращаясь к жене. – Похоже, он намерен торчать на суше и любоваться озером издали.

Мерси обернулась к Дэвиду. Ее сын как раз посыпал свои хлопья какао, он называл подобные эксперименты «кулинарией».

– Это правда? – спросила Мерси. – Ты не хочешь заходить в воду?

– Там дно топкое.

– Да откуда ты *знаешь*? – взорвался Робин. – Ты же до сих пор даже ног не замочил!

– Я мочил ноги, – ответил Дэвид, старательно размешивая хлопья.

– Да он разве что сандалии снимает, и все, – не мог успокоиться Робин. – Идет к концу причала с этой своей удочкой, как он ее называет, – кусок бечевки, привязанный к палке. Даже крючка никакого нет. Сидит, болтает ногами над водой и распевает свои дурацкие песенки. А вот зато Чарли, парень Бентли...

Бентли был новым приятелем Робина – отец тех самых шумных детишек, которых Элис и Дэвид заметили на берегу на второй день отпуска. Мужчины как-то разговорились

и обнаружили, что у них много общего; Бентли занимался строительными подрядами, вел свой бизнес, а недавно провёл водопровод в пристройке собственного дома. Элис даже удивилась, что отец вообще заметил, заходит Дэвид в воду или нет, потому что они с Бентли вечно стояли по пояс в воде, сложив руки на груди, и обсуждали канализацию, сточные воды и все такое. Чарли то и дело проплывал мимо них эффектным классическим кролем, оставляя позади мощный кильватерный след и беспощадно брызгаясь, но Робин и Бентли лишь рассеянно вытирали лица и продолжали беседу.

– Может, Чарли научит Дэвида плавать? – предложила Мерси.

Дэвид замер с ложкой в руке.

– Чарли слишком взрослый, – возразил он.

– Да что ты такое говоришь? – удивился Робин. – Ему же максимум лет десять-одиннадцать.

– Я думаю, ему уже двенадцать.

– Одиннадцать, двенадцать... Он хотя бы не боится промокнуть!

– Так, Робин, хватит, – вмешалась Мерси. – Дэвид научится плавать, когда будет готов, как девочки научились.

– Девочки научились *гораздо* раньше. Элис плавала, когда ей было четыре.

Вообще-то восемь. Но отца такие подробности не волновали.

Неплохо быть девчонкой, от которой ничего особенного не ожидают.

Другое преимущество состояло в том, что мама после завтрака объявила, что собирается взять девочек с собой в поход по магазинам в соседнем городке. (Элис обожала шопинг.) Тот факт, что Лили все еще валялась в постели, а когда они растолкали ее, заявила, что не может составить им компанию, потому что за ней заедет Трент, нимало не смутил Мерси.

– И что? Ему просто придется подождать, – сказала она. – Будет ценить тебя еще больше.

И добавила, что, может, они найдут там новый купальник для Лили. Лили жаловалась, что ее нынешний купальник совсем детский.

– Бикини? – с надеждой спросила Лили.

– Ну... раздельный, по крайней мере.

– Я не хочу просто раздельный. Только мамашки носят раздельный.

– Посмотрим.

– О, класс!

– Я сказала *посмотрим*.

– Пап, ты попросишь Трента подождать, если он приедет раньше? – попросила Лили.

– Не могу, дорогая. Я пойду на озеро, буду учить твоего брата плавать.

– Оставь Тренту записку, – предложила дочери Мерси. –

Прикрепи на двери.

Лили огорчилась, но возражать и возмущаться не стала. Видимо, решила, что бикини стоит небольшого неудобства для ухажера.

Элис села за руль, мать рядом с ней, а Лили сзади, так глубоко втиснувшись в сиденье, что ее лицо даже не попадало в зеркало заднего вида. Они ехали по тому самому шоссе, по которому добирались сюда, чуть дальше в том же направлении. Вдоль дороги стояли маленькие пасторальные деревянные дома с резными вывесками: ГЕНИЙ РЫБАЛКИ или ПОМЕСТЬЕ ПЕНСИОНЕРА. Мерси радостно щебетала всю дорогу.

– Когда я была маленькой, – рассказывала она, – я представляла, как еду на шопинг с дочерью. И я даже не мечтала, что у меня будет две дочери! Я воображала, как мы вместе примеряем наряды, как пробуем разные оттенки губной помады и уговариваемся, где будем прятать от нашего папы кучу пакетов с покупками.

– А в Данвилле есть нормальные магазины? – встревожилась Лили. – Вдруг там одни только деревенские лавки?

– Ну конечно, там наверняка есть хорошие магазины. Это же курорт! Сюда приезжают богатые люди!

Выяснилось, что Лили правильно беспокоилась. Главная улица оказалась той же самой дорогой, по которой они ехали, разве что с тротуарами. Они увидели скобяную лавку и аптеку, сомнительного вида затрапезное кафе и магазин под на-

званием «Высокая мода» с единственным манекеном в витрине – с пластиковыми локонами из 1940-х и в страхолюдном зеленом полотняном халате. Но они все равно зашли. Над дверью звякнул колокольчик.

– У вас бывают купальники? – спросила Мерси у дамы за прилавком, и дама – с добрым лицом и могучей грудью – оживилась и радостно воскликнула:

– О! Да! У нас есть купальники! Вон там, на вешалке!

Но все купальники оказались слитными, а многие вообще с юбочкой.

– Вот этот довольно миленький, – с надеждой предложила Мерси, показывая пальцем на ситцевое нечто в розовую полоску, с шортиками.

– Умоляю, – фыркнула Лили. Мерси не настаивала.

Поблагодарив даму, они вышли. Направились в аптеку, где помада лежала в запертом стеклянном прилавке, а утомлять молодого человека у кассы просьбой открыть отчего-то постеснялись.

– Зато правда же милые обручи для волос? – обрадовалась Мерси.

Обычные, в форме полумесяца, обтянутые тканью разных расцветок. Ничего особенного, но Элис вдруг бросился в глаза один – широкий, черный, шелковый. С вечерним платьем будет очень неплохо, подумала она, снимая ободок с крючка. «Элис беспечно распустила по плечам свои длинные волосы», – проговорил внутренний рассказчик. Но у нее

уже есть ободок из черного бархата, и, откровенно говоря, он гораздо элегантнее. Она повесила вещь на место и направилась к выходу, а Мерси и Лили следом за ней.

Оказавшись на тротуаре, они еще раз оглядели улицу. Адвокатская контора, хиропрактик, обувная лавка с мужскими башмаками в витрине. Крошечный бакалейный магазин «У Робинсона» с сиротливо застывшими по центру витрины латунными весами.

– О боже, – устало протянула Мерси. – Иногда я думаю – *и это все?*

Дочери уставились на мать. Она думает так *иногда*? Не только в этом конкретном случае?

Но затем Мерси пожала плечами и сказала:

– Что ж, может, удастся найти что-нибудь вкусненькое в этой милой бакалее?

Поэтому они перешли через дорогу, и бакалея впрямь оказалась миленькой, с разными заграничными конфитюрами, специями и бутылочками с душистым уксусом.

– Как насчет шоколада на десерт после ужина? – предложила Мерси.

Пока мама с сестрой выбирали, Элис обошла всю лавку. Фрукты в овощном отделе, уложенные в уютные луночки из зеленой бумаги, оказались баснословно дороги, да и в любом случае у них уже было достаточно фруктов, купленных в фермерских лавках, но она все же решила взять авокадо, потому что в Балтиморе такое не часто встречается. Когда

Элис положила его на прилавок, куда Мерси и Лили уже вывалили свои шоколадки, Лили скептически уточнила:

– Seriously?

И Элис едва не передумала, но тут тетка, стоявшая впереди, – пожилая дама, покупавшая крошечную баночку, завернутую в золотистую бумагу, – потянулась к авокадо рассмотреть поближе, и в Элис разыгралось чувство собственника.

– Да, серьезно, – отрезала она. – А если ты не хочешь попробовать, нам больше достанется.

И Лили не нашла, что ответить.

Мерси расплатилась – сурового вида кассирша не произнесла ни слова, – и они вышли обратно на солнцепек. Мерси несла покупки в маленьком зеленом пакете «от Робинсона».

– Итак, поедет домой?

Ответ был очевиден, и девочки молча последовали за матерью.

В машине Мерси обернулась к Лили:

– Послушай, есть идея. Когда вернемся в Балтимор, купим тебе купальник в «Хатцлерс»⁷, а?

– Бикини?

– Ну... да, хорошо, почему бы и нет?

Поправляя зеркало заднего вида, Элис успела заметить загадочно-довольное лицо Лили.

Красный «шеви» Трента уже стоял на обычном месте, ко-

⁷ Знаменитая сеть универмагов в Мэриленде, основанная братьями Хатцлер в Балтиморе в середине XIX века.

гда они подъехали к коттеджу.

– Черт, – выругалась Лили и рванула ручку дверцы еще прежде, чем автомобиль остановился. – Он меня *ждет*.

– Вот и замечательно! – сказала Мерси. – Пусть поймет, что ты этого стоишь!

Но разговаривала она сама с собой; Лили уже пулей вылетела из машины и взбежала на крыльцо.

Не успели Элис с Мерси подойти к дому, как в дверях возник Робин. Он выглядел как-то странно. Босиком и без носков, сообразила Элис. Отец был в купальных шортах и футболке – и то и другое насквозь мокрое, облепило тело, – но бледные шишковатые плоские стопы были совсем голыми, а выражение лица такое робкое и жалкое, будто он в чем-то провинился.

– О, привет, дорогая! – радостно приветствовал он Мерси.

– Робин? – с подозрением спросила она, остановившись на верхней ступеньке крыльца.

– Как ваш шопинг?

– Что случилось?

– Случилось? Ничего не случилось!

– Почему ты так выглядишь?

– О, мы просто были на озере, ты же знаешь, и с Дэвидом произошла маленькая неприятность.

– Неприятность?

– Он запаниковал и подумал, что тонет.

– *Чтооо?*

Оттолкнув мужа, Мерси бросилась в дом. Элис и Лили следом; отец посторонился и побрел за ними, аккуратно прикрыв за собой входную дверь.

В гостиной на диване развалился Трент, небрежно вытянув одну ногу и листая журнал «Мадемуазель».

– Привет, детка, – лениво приподнял он руку, глянув на Лили.

– Привет, Трент!

– Где он? – спросила Мерси у Робина.

Тот молча указал на их спальню.

Дверь спальни была закрыта, хотя днем обычно стояла нараспашку. Мерси ринулась туда, все еще не выпуская из рук пакетик «Робинсон».

– Милый, ты в порядке?

Дэвид пробормотал что-то, Элис не разобрала. А Лили меж тем допрашивала Трента:

– Ты уже давно ждешь?

– Ну, дольше, чем я рассчитывал, скажем так.

Элис заглянула в спальню родителей. Дэвид в одних плавках свернулся клубочком на раскладушке, прижимая к груди свою куклу-ковбоя. Мерси сидела рядом и гладила его по спине.

– Ты немножко испугался? – ласково спросила она.

Малыш кивнул и всхлипнул.

– Пойдем со мной в гостиную, – предложила мать.

Он лишь крепче прижал к себе игрушку.

– Не хочешь пойти посидеть у меня на коленках? – уговаривала она. – Может, попробуешь шоколадку, мы с девочками привезли из города?

Дэвид лишь отрицательно качнул головой.

Мерси выпрямилась, внимательно посмотрела на сына, потом встала и вышла в гостиную.

– Что, черт побери, произошло? – потребовала она ответа у Робина.

– Ну, мы с Бентли стояли рядом, ты же понимаешь, и присматривали за ним...

– Ты бросил его в воду?

– Что?

– Ты бросил его в воду?

– *Нет*, что ты, не бросал я его в воду! С чего бы я стал это делать?

– Эти ваши штучки «тони или плыви»? Вы с Бентли затеяли свое дурацкое «будь мужчиной»?

– Да *о чем* ты вообще?

Мерси прошествовала к креслу-качалке, уселась. Трент к этому моменту уже освободил диван и ждал в дверях, глядя, как Лили сворачивает в рулон полотенце вместе с купальником.

– Я иду к Тренту, – сообщила она, но мать едва скользнула взглядом в ее сторону.

– Ему ничего не угрожало, Мерси, клянусь, – убеждал Робин. – Мы с Бентли стояли рядом, на самом краю причала. Я

тут же прыгнул в воду, подхватил его одной рукой, и он был в порядке. Разве что я туфли промочил.

– Пока, мам, – бросила Лили, и они с Трентом скрылись.

– Я что-нибудь достану к ланчу? – спросила Элис, но Мерси, ничего не ответив, уронила пакет с покупками на пол и принялась раскачиваться в кресле.

* * *

Дэвид действительно вскоре выполз из спальни. Он появился, как раз когда Элис с родителями обедали; тихонько пробрался в кухню, вскарабкался на свой стул и ухватил с блюда ломтик колбасы. Он так и не снял плавки, но натянул фуфайку и принес с собой игрушечного ковбоя, которого уложил себе на колени лицом вниз. Даже Мерси понимала достаточно, чтобы не поднимать шума. Она лишь подвинула корзинку с хлебом поближе к его тарелке и продолжила рассказывать Робину про поездку в Данвилль.

– Правильнее было назвать его Даллвилль⁸, – сказала она. – Я надеялась, что здесь учитывают интересы туристов, но нет.

– Не говоря уж об упущенной выгоде, – прокомментировал Робин. – Парень с минимальным деловым чутьем мог бы запросто сорвать тут куш.

⁸ От англ. *dull* – скучный, унылый.

– Ну, рано или поздно, думаю... Аккуратно, милый, – прервалась она, обращаясь к Дэвиду, – ты пачкаешь горчицей Бобби Шафто.

– Баскомба, – поправил Дэвид. (Баскомбом кукла была до того, как стать Бобби Шафто. Баскомбом звали почтальона Гарреттов.)

– О, прости, – извинилась Мерси перед куклой. Дэвид переложил Баскомба с коленей на стул и продолжил размазывать горчицу.

– В городе я купила нам авокадо, – сообщила ему Элис. – Подумала, что можем съесть его в пятницу, на прощальном ужине, что скажешь?

– Окей, – согласился Дэвид.

Но ему определенно было все равно.

– Вот авокадо я никогда не понимал, – сказал Робин. – Почему его считают фруктом? Оно же больше похоже на овощ, а? – И обернулся к Дэвиду: – Как *ты* считаешь, сынок?

Дэвид едва заметно пожал плечами и завинтил крышку на баночке с горчицей.

Малыша оставили в покое. Он придет в себя со временем. После обеда Робин пошел к Бентли помочь разобраться с какой-то проблемой с электричеством, Мерси разложила на кухонном столе свои художества, а Элис переоделась в купальник и пошла на озеро. Она позвала с собой Дэвида, но тот промолчал в ответ, и она не стала больше поднимать эту тему. Оставила его в обнимку с Баскомбом на раскладушке,

а когда вернулась примерно через час, брат уже спал. Мерси сказала, что малыш проспал все это время.

– Это целительный процесс, думаю, – сказала она. – Очищающий его мозг от пугающих воспоминаний. А когда проснется, то будет прежним Дэвидом. – И, улыбнувшись Элис, продолжила смешивать краски на белой пластиковой палитре.

В последнее время Мерси рисовала различные уголки их коттеджа. Розовое пятно, как бы обои из комнаты девочек, и на этом фоне хрустальная ручка комода, с гранями, тщательно выведенными тончайшей кистью. Плинтус в гостиной, переходящий в половицы, и мельчайшие крапинки на досках, которые Элис поначалу приняла было за песок, рассыпанный по полу, но Робин объяснил, что это следы работы жуков-древоточцев.

– Полагаю, я скорее художник интерьеров, чем пейзажист, – рассуждала Мерси. – Я думала, эта поездка несколько расширит мой взгляд, но, оказавшись в лесу, ощутила, как чувства захлестывают и переполняют меня, понимаешь? Как будто меня уносит в космос.

– И мне рисунки коттеджа больше нравятся, – согласилась Элис.

Она вдруг остро почувствовала себя старше матери – своей утонченной маленькой матери, которую уносит в космос. Потому что ужасная правда состояла в том, что Элис не нравились никакие мамины работы, но она никогда не станет

настолько жестокой и бесчувственной, чтобы сказать ей об этом.

* * *

Утром пошел дождь. Больше всех переживал Робин.

– Эта неделя обошлась нам в целое состояние, а теперь мы потеряем из нее целый день, – возмущался он.

– Совсем не потеряем, – урезонила мужа Мерси. – Мы все так же в отпуске, верно? И проводим время вместе, всей семьей.

– Хмм...

– И вообще тебе полезно немного отдохнуть от солнца.

Это правда, лицо Робина уже стало кирпично-красным (от стояния в озере на пару с Бентли). При таком раскладе только он и вернется домой с наглядным доказательством, что побывал в отпуске, потому что чудодейственная мазь Элис не дала особого эффекта, а Мерси с Дэвидом не слишком любили бывать на жаре. Что же касается Лили, тут Элис стоило задуматься, какую часть времени из тех часов, что сестра торчит у Трента, они посвящают купанию в озере. Она все еще совсем не загорела. Утром, когда Лили появилась за завтраком – последней, как обычно, – Мерси спросила:

– Что собираешься делать сегодня, раз уж придется остаться дома?

– С чего бы мне оставаться дома? – удивилась Лили.

– Потому что идет дождь.

– Правда? – Лили выглянула в окно. – Вот блин.

– Может, останешься хоть раз дома, поиграем все вместе в настольные игры. У них тут есть все что угодно. «Монополия», «Парчизи»... Загляни в мой шкаф!

– Ну, мы с Трентом что-нибудь придумаем, – беспечно произнесла Лили и потянулась за клубничным джемом.

Мерси внимательно посмотрела на нее и сказала:

– От Джампа не было вестей, с тех пор как ты здесь?

– Какие могут быть вести от Джампа? Он же не знает моего адреса.

– Да, но ты собиралась написать ему сразу, как разберешься со здешней почтой.

– Ну, не написала. И даже если бы написала, сомневаюсь, что он успел бы ответить, я раньше домой вернусь, – ответила она, размазывая джем по тосту.

Мерси многозначительно приподняла бровь и отхлебнула кофе.

После завтрака Робин отправился в город проинспектировать скобяную лавку, Дэвид занялся своими ветеринарами, Мерси прибиралась в спальне, пока девочки мыли посуду.

– Главное, чтобы завтра дождя не было, – заметила Лили, вытирая тарелки.

– А что такого случится завтра?

– Это будет наш последний день, глупышка. И я проведу его с Трентом. Посидим у них в патио, я уже все спланиро-

вала. Рядом ты знаешь с чем. С беседкой.

Элис замочила сковородку в тазике с водой.

– Послушай, – сказала она, – я ничего не говорила Тренту про беседку, так что не обольщайся.

– Да ладно, думаю, все получится само собой. Мы будем сидеть во дворе, он спросит, куда я смотрю, обернется и увидит беседку...

Элис вдруг представила, как Лили многозначительно переводит взгляд с Трента на беседку, опять на Трента, опять на беседку, прямо как Кэп: пес тоже любил поглядывать то на людей, сидящих за столом, то на ростбиф, лежащий на буфете. И весело фыркнула.

– Что такого? – возмутилась Лили. – Что тут смешного? Ты мне не веришь? Мы же с ним одинаковые. Он романтик до мозга костей, как и я.

– В этом я *очень* сомневаюсь.

– Элис, я серьезно. Если Трент не сделает мне предложение до нашего отъезда, я просто умру. Правда умру, клянусь.

– Этого не будет, Лили.

– Будет, – настаивала Лили. – Потому что так должно быть. И все, не желаю больше говорить об этом.

Она швырнула посудное полотенце на стол и гордо удалилась, хотя оставалось еще полно работы.

Дэвид, как выяснилось, хотел играть исключительно в «рыбалку», что вполне устраивало Мерси, но не Элис, потому что «рыбалка» могла затянуться надолго. Так оно и вы-

шло. Им пришлось раздавать карты с полдюжины раз, и когда появился Трент, они еще играли.

– Присоединяйтесь, Трент! – позвала Мерси. Ей, наверное, казалось, что на дворе старые добрые времена, когда ухажеры должны были соглашаться на такие предложения. Трент тактично сделал вид, что не расслышал.

– Готова, крошка? – спросил он Лили, та кивнула и вышла из дома следом за ним. Она захватила с собой привычный рулон полотенце-купальник, как будто надеялась, что погода изменится.

Элис подождала, пока Дэвид отвлечется на карты, и тихо спросила у матери:

– Как ты думаешь, за ними кто-нибудь присматривает там, у него дома?

– «Присматривает»! – воскликнула мать. Вопрос ее, похоже, позабавил, как будто про «старые добрые времена» вспомнила Элис. – Господи, да там все семейство вокруг. Думаю, у них нет недостатка в компании.

И Элис отступилась. Тем более что пришла ее очередь сдавать.

* * *

В пятницу солнце вернулось. Все воспряли духом. Лили сбежала с Трентом, Элис и Робин пошли плавать, а Мерси с Дэвидом уселись на подстилке на берегу. Элис предложила

отцу сплавать на другой берег, но он сказал, что слишком далеко. Она втайне обрадовалась.

Вскоре явился и Бентли, так что Элис предоставила озеро мужчинам, а сама отправилась на сушу. Дэвид и Мерси начали строить замок из песка, она расстелила свое полотенце поблизости и принялась наносить крем для загара.

Песок здесь не очень годился для сооружения замков, но благодаря вчерашнему дождю его можно было сейчас утрамбовать в ведерко Дэвида и получить вполне приличную круглую башенку. Обнаружив это, Мерси сбегала в коттедж и принесла дополнительное оборудование – чайные чашки, формочки от пудинга и прямоугольные пластиковые контейнеры, чтобы построить целый город. Мерси всегда очень увлекалась процессом, если дело касалось изготовления чего-либо. Она собирала упавшие веточки, чтобы Дэвид сделал из них деревья, начала возводить городскую стену из гальки. Лицо ее блестело от пота и крема, пряди волос выбивались из пучка, а она даже не замечала.

Подошли остальные члены команды Бентли – его жена и вся банда ребятни. Таня, жена, расстелила полотенце, а дети помчались играть в воде. Малышня радостно плескалась на мелководье, а Чарли, ну как же иначе, ринулся на глубину и поплыл к мужчинам, а потом и дальше, поднимая волны вокруг.

Это, видимо, напомнило Робину, что он так и не научил Дэвида плавать.

– Сынок? – окликнул он из воды. Сложил ладони рупором и громко проорал: – Дэвви? Иди сюда, сын!

Но Дэвид, повернувшись спиной к озеру, продолжал возиться с веточками, «сажая деревья».

– Скажи своему сыну, чтобы шел сюда! – заорал Робин Мерси.

– Папа тебя зовет, – сообщила Мерси Дэвиду.

– Я хочу обратно в коттедж, – ответил мальчик. Встал, отряхнул ладошки.

– Прямо сейчас? – удивилась Мерси. Она оглянулась на озеро, но Робин и Бентли уже были поглощены очередным разговором.

– Он и вправду слегка подгорел, – проговорила Таня, лежа на полотенце. – Ты захватила ему панамку?

– Нет, зачем...

– У меня наверняка найдется. Где-то же она была тут...

Таня рылась в своей сумке. Дэвид умоляюще посмотрел на Элис.

– Я тебя отведу, – спасла она брата.

Встала, взяла его за руку. Мерси уселась на корточки, все еще держа в руках камешки:

– Не хочешь закончить наш город?

– Нет, спасибо.

– Ну... ладно. Тогда я закончу, – решила мать.

И стала укладывать гальку в будущую городскую стену, а Дэвид с Элис ушли.

К ланчу Элис достала кучу всякой всячины – все, что нужно было доесть до отъезда. Пол-упаковки колбасы, полконтейнера капустного салата, гамбургер от вчерашнего ужина, разогретый на сковородке... Бургер съел Робин.

– Получилось неплохо, а? – похвалился он Мерси, поскольку накануне он самолично жарил бургеры на гриле во дворе, прикрывая их от дождя картонкой.

Робин обедал прямо в купальном костюме, как и Мерси с Элис. А вот Дэвид, едва оказавшись в коттедже, тут же переделся в шорты и майку. Он определенно не планировал возвращаться на берег. Мерси, должно быть, это поняла, но не подала виду.

– погоди, вот увидишь, какой город я нам построила, – сказала она. – Я тебе покажу после обеда. Настоящий шедевр!

– Спасибо, мам, – тихо прошептал Дэвид.

Мерси вопросительно наклонила голову, но промолчала.

– В следующий раз, – объявил Робин, – подержу угли чуть подольше, прежде чем класть мясо. Сегодня, когда буду жарить... Что у нас сегодня для гриля?

– Свиные отбивные, – подсказала Элис.

– Сегодня, когда буду готовить свиные отбивные, дождусь, пока угли полностью погаснут, совсем, без малейших языч-

ков пламени.

– Я уже замариновала мясо, – сообщила Элис.

– Замариновала?

– Сделала маринад из того, что нашлось в буфете. Чистая импровизация, но, думаю, получится вкусно.

Робин нахмурился.

– Ты такой изобретательный кулинар, дорогая, – поддержала Элис мама.

– Я нашла в буфете даже вино. Красное. Совсем немножко, на доньшке бутылки, но со всем тем, что я еще добавила, оказалось вполне достаточно.

– Вино было *старое*? – с подозрением спросил Робин.

– Не *старое*, пап. То есть, конечно, старое, но для мариныда как раз то, что надо. Так во всех журналах написано.

Он продолжал хмуриться:

– Я еще не забыл те баклажаны.

Элис однажды приготовила «баклажаны пармиджана». Отец тогда храбро отправил в рот большой кусок, но тут же перестал жевать и с полным ртом спросил:

– Что *это* такое? Такое склизкое?

– Это баклажан, – пояснила Элис.

– О господи, – вздохнул он и отложил вилку.

Мерси, вероятно вспомнив об этом же случае, успокоила:

– Мариныды прекрасны тем, что усиливают естественный вкус мяса. Они не придают ему *свой* вкус, просто обогащают вкус мяса.

Вообще-то Элис не была в этом убеждена. В ее маринаде присутствовало много необычных ингредиентов, включая масло черного кунжута и всякие разные перцы из маленьких баночек с длинным итальянским названием. Но она уверенно сказала отцу:

– Тебе обязательно понравится.

– Ладно... – обреченно протянул он.

Мерси ласково похлопала мужа по руке.

После обеда Мерси и Робин вернулись на озеро – Мерси согласилась окунуться с ним вместе, раз уж это их последний день, – а Элис сказала, что они с Дэвидом придут потом, когда она приберется в кухне. Произнося это, она не смотрела на брата, а тот не возражал.

Родители ушли, Элис выбросила остатки, которые они так и не смогли доесть, и занялась посудой. Потом они с Дэвидом сыграли несколько партий в «Крейзи Эйтс». Дэвид сказал, что им обязательно нужно вести счет – играть до тех пор, пока один из игроков не наберет сто очков. Обычно они не считали очки, а просто прекращали, когда у кого-то заканчивались карты. Элис поняла, что брат пытается оттянуть момент похода на озеро.

– А знаешь что, – проговорила она, отодвигая колоду, – почему бы нам с тобой не придумать, что делать с авокадо.

– Точно! – просиял Дэвид, как будто только об этом и размышлял все это время.

– Я думаю, салат. А ты как считаешь?

– Салат. Отлично.

– А что еще будет в нашем салате?

– Нууу... листья салата, бананы...

– Бананы!

– Или... не знаю...

– Может, помидоры?

– Ага, помидоры.

Элис поднялась, подошла к холодильнику, заглянула в отделение с овощами.

– Надо же, – хмыкнула она, – салат у нас есть, а вот помидоров нет. Надо бы прикупить.

Это не было совсем уж надуманным поводом, на самом деле она заранее сочинила гарнир. Но сейчас была еще и радость, что удастся избежать купания.

– Давай-ка я переоденусь, – сказала она Дэвиду, – и мы с тобой съездим в город.

– Отлично!

Итак, она переоделась, взяла сумочку, отцовские ключи с каминной полки, и они уехали.

Трава вдоль дороги ярко зеленела, умытая вчерашним дождем. Курортники на велосипедах катили по обочинам, и Элис вела машину предельно осторожно, объезжая их.

– Я соскучился по велику, – сообщил Дэвид.

– Завтра уже будем дома.

– Я и по Кэпу соскучился, и по соседскому Джимми, и по своей лампе с нарисованным фургоном.

– Ты всех их скоро увидишь.

Она покосилась на брата. Он сидел рядом с ней на переднем сиденье, отвернувшись к окну, так что виден был только затылок. И этот худенький детский затылок казался ужасно печальным.

Улицы города были пустынные. Сегодня для многих наверняка тоже последний день отпуска. Элис смогла припарковаться прямо перед «Робинсоном». И в магазине они оказались единственными покупателями. Элис сразу прошла в овощной отдел, разрешила Дэвиду выбрать два помидора. Больше не нужно, наставляла она, помидоры убийственно дорогие.

– Грабеж среди бела дня! – прошептала Элис. (Любимая фраза их отца.)

– У нас хватит денег? – заволновался Дэвид.

– Да, думаю, справимся.

Сейчас, когда она вдвоем с младшим братом, магазин казался совершенно иным. Суровая кассирша, едва завидев Дэвида, просияла и подхватила банку с леденцами на палочке.

– Бери два, – уговаривала она.

Дэвид никогда не любил леденцы – говорил, у него от них зубы становятся будто мохнатые, – но выбрал красный и зеленый.

– Спасибо, мэм, – вежливо сказал он.

Элис не представляла, где он научился говорить «мэм». В

их районе Балтимора детей такому не учат.

В машине по дороге домой он спросил:

– А я люблю авокадо?

– Любишь, – заверила сестра.

– А когда я их пробовал?

– Э-э... не знаю. Но я не сомневаюсь, тебе непременно понравится, потому что ты в душе авантюрист.

Он выпрямился на сиденье, гордо вскинул голову и широко улыбнулся.

Около коттеджа стоял «шеви» Трента, все окна в машине были открыты.

– Почти беседка, – хмыкнула Элис.

– Что?

– Ничего.

В доме никаких признаков Трента и Лили. Наверное, ушли на озеро. Элис положила пакет на кухонный стол.

– Вот, возьми. – Дэвид протянул ей леденцы, которые она сунула на полку в буфете – для тех, кто поселится тут после них. И понесла сумочку на место в спальню.

Вот только дверь в спальню оказалась заперта и, когда она повернула ручку, не открылась. Элис навалилась плечом, еще раз подергала ручку. Безрезультатно.

Изнутри донеслись звуки – резкий шорох, бормотание. Она вновь взялась за дверную ручку, но на этот раз ее схватили изнутри, резко повернули, дверь распахнулась, и из комнаты вышел Трент, заправляя рубашку в брюки.

Элис посторонилась. Трент пересек гостиную, бросив Дэвиду:

– Привет, малыш.

– Привет, – отозвался тот.

Трент вышел, хлопнув дверью.

Элис заглянула в комнату – Лили сидела на самом краю кровати и застегивала блузку. Глаз на сестру она не подняла. Тогда Элис развернулась и ринулась следом за Трентом. Она вылетела на крыльцо, как раз когда он садился в машину, и успела подскочить к нему, прежде чем захлопнулась водительская дверь.

– Погоди-ка.

Парень помедлил.

– Сейчас ты свалишь отсюда и никогда не вернешься, – прошипела она. – Никогда в жизни больше не увидишь Лили. Мой дядя полицейский, и мои родные попросят его арестовать тебя, если мы хоть раз застанем тебя рядом с ней.

С опозданием она сообразила, что надо было сказать «судья». Что дядя судья. У судьи больше власти. Но Трент и так занервничал.

– Да ладно, я уезжаю! – сказал он.

Хлопнул дверцей и молниеносно завел двигатель, машина дернулась назад, потом вперед и, вильнув, выкатилась на дорогу.

Элис вернулась в дом. Ее трясло. Дверь спальни опять была закрыта, но она не стала даже пытаться туда войти. Вме-

сто этого пошла на кухню. Положила сумочку на стол.

– Мы забыли купить заправку для салата, – сказал Дэвид.

– Сами сделаем, – едва слышно ответила она.

Голос ее дрожал, но Дэвид, кажется, не заметил.

* * *

Маринованные свиные отбивные получились восхитительными. Даже Робин признал. Сначала он скривил рот, увидев мясо – влажное, темное какое-то, обсыпанное крошками специй, – но на гриле отбивные обрели ароматную хрустящую румяную корочку, а откусив первый кусочек, Робин протянул:

– Что ж...

– Вкусно, да? – обрадовалась Элис.

– Вынужден признать, да.

А Мерси добавила:

– Очень вкусно!

Дэвид, который частенько недоверчиво относился к мясу, отрезал себе маленький кусочек, опасливо пожевал одними передними зубами, но уже через минуту взял еще ломтик, из чего Элис сделала вывод, что ему тоже понравилось. И еще он съел гору салата.

Лили ужинать не пришла. Она сидела в комнате за закрытой дверью. Ее звали дважды, она не откликнулась, и Мерси даже постучала в дверь. Никакого ответа. Мать решила за-

глянуть:

– Дорогая?

Лили ответила что-то. Мерси помолчала, потом вздохнула:

– Ну, дело твое. – Прикрыла дверь и вернулась за стол. Ее эта ситуация, кажется, не столько огорчила, сколько позабавила. – Первая любовь, – улыбнулась она Робину, берясь за вилку.

– И что, неужели ты позволишь ей пропустить ужин? – возмутился Робин.

– Все будет в порядке. – Мерси беззаботно наколола на вилку ломтик помидора.

– Почему ты ей потакаешь, Мерси? Это последний вечер нашего отпуска! У нас праздничный ужин! Она должна выйти к нам и присоединиться к семейному событию, как нормальный цивилизованный человек!

– Ну, Робин. Она страдает, ее сердце разбито. Ты же помнишь, каково это.

– Нет, я *не* помню. Ей пятнадцать лет. Она втюрится в следующего парня еще до конца недели, вот увидишь.

– Она говорит, что ее никто не понимает и ей незачем жить, – пояснила Мерси. – Можно я доем твой салат?

Она имела в виду три кусочка авокадо, сиротливо лежавшие на его тарелке. Робин аккуратно объедал салат вокруг них так же брезгливо, как Кэп обходил любые овощи в своей миске.

– На здоровье. – И чуть отодвинулся, чтобы жене удобнее было орудовать вилкой в его тарелке.

Итак, о Лили забыли, и это, наверное, к лучшему. Сидела бы тут, надутая и зареванная, портила всем настроение. А оно было по-настоящему праздничным. Мерси дразнила Робина кусочком авокадо на вилке, Робин отстранялся в притворном ужасе, а Дэвид смеялся над ними обоими.

«Элис откусила кусочек отбивной, – произнес внутренний рассказчик, – и наслаждалась изысканным вкусом приправ».

Утром 6 сентября 1970 года – воскресенье, солнечное и прохладное, но пока ничуть не похоже на осень – Робин и Мерси Гарретт отвезли своего сына Дэвида, новоиспеченного первокурсника, в Ислингтон, штат Пенсильвания, в Ислингтонский колледж. Они помогли ему заселиться в общежитие, познакомились с соседом по комнате (с виду милый мальчик, но, конечно, совсем не такой славный, как ее малыш, подумала Мерси), попрощались и уехали.

По пути домой они по большей части молчали. Время от времени произносили вдруг что-нибудь вроде «Стены можно было бы покрасить, как по мне» (это Робин) и «Интересно, Дэвид запомнил хоть слово из моих инструкций по стирке» (Мерси). Но в целом погрузились в то молчание, которое источают невысказанные мысли, – сложные, противоречивые мысли клубились в салоне автомобиля.

На Балтиморской окружной, в пятнадцати минутах от дома, Робин сказал:

– Думаю, сегодня вечером нам вроде надо бы оторваться по полной, мы ведь вновь остались только вдвоем, ты и я. Сходить куда-нибудь поужинать или, не знаю, заняться безумным сексом на полу в гостиной или вроде того. – Сухой короткий смешок. – Но знаешь что? Честно говоря, я чувствую себя опустошенным.

– Ну конечно, дорогой, так и должно быть, – успокоила мужа Мерси. – От нас улетел последний птенчик, остававшийся в гнезде. Естественно, нам грустно.

И она вправду печалилась, несомненно. Дэвид был самым близким ей ребенком, хотя раньше она представляла, что дочери должны быть ближе. Когда Элис и Лили уехали из дома, с родителями остался один Дэвид, привычный хаос угас, все затихло, и иногда Мерси даже удавалось поговорить с сыном по душам. Кроме того, Элис всегда была такой уверенной в себе, такой властной, Лили же такой, ну право слово, взбалмошной, а Дэвид оказался таким спокойным, невозмутимым, он умел внимательно слушать – качество, которое Мерси начала очень ценить в последние годы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.